

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **1** *2011*

**ЭТНИЧНОСТЬ
И ПОЛИТИКА**

Москва
2011

Журнал «Политическая наука»

Ольга Малинова

Политическая наука №1/2011
г. Этничность и политика

«Агентство научных изданий»

2011

УДК 32.001
ББК 66.0

Малинова О. Ю.

Политическая наука №1/2011 г. Этничность и политика
/ О. Ю. Малинова — «Агентство научных изданий»,
2011 — (Журнал «Политическая наука»)

Журнал «Политическая наука» - одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г. Учредителями являются Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН и Российская ассоциация политической науки (РАПН). В журнале публикуются статьи и иные материалы ведущих политологов России (в том числе региональных авторов) и других стран. Вместе с тем «Политическая наука» сотрудничает и с молодыми исследователями

УДК 32.001
ББК 66.0

© Малинова О. Ю., 2011
© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ	5
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	9
К СЕМАНТИКЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО	9
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ	20
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА	
ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ В РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ	31
УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	
ЭТНИЧНОСТЬ, НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО: КОНКУРИРУЮЩИЕ	41
ДИСКУРСЫ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ,	41
ГЕРМАНИИ И США: СОВРЕМЕННЫЕ СПОРЫ 2	
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Малинова

Политическая наука №1/2011

г. Этничность и политика

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот номер «Политической науки» посвящен анализу состояния предметного поля исследований этничности и политики. С конца XX столетия оно привлекает к себе особенно пристальное внимание специалистов из разных дисциплин – социологов, антропологов, конфликтологов, психологов, политологов, историков и т.д., что, по-видимому, обусловлено повышением роли этнокультурных факторов в современных политических процессах. В России научная дисциплина, формирующаяся на стыке этничности и политики, получила название «этнополитология»¹. Учебный курс с таким названием прочно вошел в университетские программы для политологов. В то же время исследования этничности образуют междисциплинарное поле, которое разрабатывается на основе подходов и методов разных общественных наук и развивается даже не на одном, а на нескольких «стыках». Все это создает трудности для идентификации и институционализации данного предметного поля.

Материалы настоящего номера «Политической науки» знакомят читателя с методологическими проблемами, возникающими у формирующейся субдисциплины, а также с результатами эмпирических исследований этничности и политики. Представленная в нем панорама исследований этничности и политики – результат усилий ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Казани, Екатеринбургa, Сыктывкара, а также из США, Великобритании, ФРГ и Испании.

В рубрике «Состояние субдисциплины» собраны статьи, авторы которых осмысливают опыт формирования предметного поля этнополитологии в мировой и отечественной науке и рассуждают о его границах. Одна из наиболее трудных проблем, с которой сталкиваются здесь исследователи, – отсутствие строгих терминологических конвенций: базовые понятия «этничность», «этническая группа», «этнос», «нация», «национальность» используются не просто в разных, но порой – во взаимоисключающих смыслах. Особенно сложное положение сложилось в отечественной науке, отягощенной грузом советских практик институционализации этничности, в которых общественная наука играла не последнюю роль, – об этом хорошо сказано в статье исследователя из Сыктывкара Ю.П. Шабаяева. Развивает эту тему и директор Института этнологии РАН академик В.А. Тишков в своем интервью нашему журналу.

Однако проблема понятийного аппарата остра и для зарубежных исследователей, не связанных наследием такого рода практик, – это хорошо показано в статье профессора Дальневосточного федерального университета (Владивосток) А.М. Кузнецова. Трудности с определением базовых понятий, с одной стороны, оказываются следствием имплицитного влияния национализма на современное восприятие мира: будучи основным принципом легитимации политической власти-авторитета (что убедительно доказывается в статье Р. Шерцера), категория «нация» оказывается интегратором иерархической системы понятий, распределение «ролей» внутри которой становится предметом символической борьбы,

¹ В английском языке нет прямого аналога данного термина; соответствующая область политических исследований чаще называется «исследованиями этничности и политики». Так, в Международной ассоциации политической науки существует Исследовательский комитет по политике и этничности (RC 14: Politics and Ethnicity, см.: <http://rc14.ipsa.org/>).

затрагивающей всю сферу производства смыслов, – в том числе и область научных исследований. Отсюда – сложности в установлении границ между нацией и этнической группой, национальностью и этничностью. С другой стороны, не проще обстоит дело и с самой этничностью, определение которой опирается на понятие «культура», отличающееся смысловой перенасыщенностью. Как справедливо замечает *А.М. Кузнецов*, вследствие своей неопределенности данное понятие сегодня выступает в роли всеобщего ключа для решения разных проблем, что не способствует терминологической точности его производных. Рассматривая терминологические контroversы проблемного поля этничности и политики как симптом, *Н.М. Мухарямов* в своей статье анализирует споры о понятиях с помощью инструмента семантического анализа. Он показывает, что для приверженцев эссенциалистских и конструктивистских подходов слова «этнос» и «этнополитика» имеют разный семантический статус. Для первых эти понятия указывают на вещи, поддающиеся наименованию, на то, что можно эмпирически представить и оформить, для вторых – на связь с существующими в общественном сознании мыслительными образами. Первые стремятся зафиксировать границы «этнoса», которые представляются им онтологически данными, вторые – очертить рамки «этнического» как сферы представлений, объединяемых общим ядром. Налицо отсутствие единства в сигнификации, обуславливающее различия в представлениях об этничности и этнополитике.

Не менее дискуссионным является вопрос о предмете этнополитологии – это отчетливо показано и в статье *Ю.П. Шабалева*, анализирующего ее становление как учебной дисциплины, и в интервью академика *В.А. Тишкова*, рассуждающего об особенностях ее институционализации как направления исследований в постсоветском контексте. Что должно быть в фокусе этнополитологов – «этнический фактор» как неотъемлемый императив современной политики или этничность как характеристика, при определенных условиях приобретающая политические функции и/или превращающаяся в политический ресурс? Среди российских исследователей есть сторонники как первого, так и второго подхода. Наконец, необходимо отметить плюрализм методов, с помощью которых изучаются проблемы этничности и политики, вполне естественный для предметной области «на стыках» разных дисциплин.

В рубрике «*Этничность, нация и государство: Конкурирующие дискурсы*» опубликованы статьи зарубежных исследователей, анализирующие различные ракурсы дискурсов о нации и этничности в прошлом и настоящем. Профессор университета Колорадо *У. Сафран* (США), рассматривая современные дискурсы о национальной идентичности во Франции, Германии и США, прослеживает изменение смыслового наполнения данных понятий. Предметом его анализа оказывается сложная динамика сложившихся традиций и новых реалий, складывающихся под воздействием глобализации, урбанизации, секуляризации, миграции и прочих социальных процессов. Исследователь из Лондонской школы экономики *Р. Шерцер* (Великобритания) предлагает пересмотреть привычное представление о национальных меньшинствах как о «проблеме», прослеживая, как оно складывалось, и подвергая скрупулезному анализу содержание понятий «национальное самоопределение», «суверенитет», «нация», «народ», «государство» и связи между ними. Статья профессора университета Оснабрюка *Р. Эйсфелда* (ФРГ) посвящена анализу идеологии новых правых во Франции и Германии, под лозунгами этнического плюрализма маскирующей критику либерального универсализма и откровенно расистское содержание.

В основу этих статей, как и работ *А.М. Кузнецова*, *Л. Морено*, *М.С. Ильченко*, положены доклады, представленные на конференции «*Этнокультурный плюрализм и проблема толерантности в глобализирующемся мире*», организованной Исследовательским комитетом Международной ассоциации политической науки по политике и этничности (RC 14),

Российской ассоциацией политической науки и Санкт-Петербургским гуманитарно-политологическим центром «Стратегия» в г. Санкт-Петербурге 24–26 июня 2010 г.

В рубрике «*Этнический плюрализм и проблемы территориального устройства*» собраны статьи, посвященные одному из наиболее важных политических аспектов этничности – проблеме адаптации территориального устройства современных государств к их этнокультурному многообразию. В статье профессора и научного сотрудника Испанского национального исследовательского центра (Мадрид) *Л. Морено* представлены результаты сравнительного исследования институтов и практик, направленных на аккомодацию этнического многообразия в двенадцати федеративных государствах. Молодой исследователь из Екатеринбурга *М.С. Ильченко* анализирует практики согласования интересов между федеральной и региональной (этнической) элитами в Канаде, Испании и Нигерии, а также и в РФ, рассматривая их как механизм разрешения этнических конфликтов. Исследователь из Института социологии РАН *И.Н. Трофимова* рассматривает проблему самоуправления национальных территорий в России в прошлом и в настоящем.

В рубрике «*Язык и политика*» представлены статьи профессора Санкт-Петербургского государственного университета *В.А. Ачкасова* и доцента Института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета *О.Б. Януш*, посвященные лингвистической составляющей фактора этничности и его влиянию на строительство государств и трансграничных связей на постсоветском пространстве.

Не совсем традиционной оказалась рубрика «*Представляем журнал*»: в нее помещены не только подготовленный *А.И. Миллером* обзор академического журнала «Национализм и этническая политика», но и рецензия *В.А. Шнирельмана* на первый номер нового журнала «научной и общественно-политической мысли» «Вопросы национализма», а также аннотированный обзор общественно-политического журнала «Вестник российской нации», подготовленный ее редакцией. Такой выбор материалов для рубрики обусловлен желанием затронуть еще один важный аспект рассматриваемого предметного поля – двустороннюю и весьма непростую связь между этнополитологией и политической практикой.

Эту тему продолжает и интервью с академиком РАН, директором Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Центра социальной антропологии РГГУ *В.А. Тишковым*, в котором известный исследователь, в 1992 г. – министр по делам национальностей РФ, делится своими размышлениями о формировании и развитии мировой и отечественной этнологии и этнополитологии.

Мы продолжаем развивать относительно новый для журнала жанр рецензий на научные издания. В рубрике «С книжной полки» представлены рецензии на книгу «Национализм и демократия: дихотомия, комплементарность, оппозиция» (Издательство «Рутледж», 2010), посвященную непростым отношениям между двумя явлениями-тенденциями, которые определяют современное политическое развитие мира, а также на учебное пособие *О.В. Поповой* «Политический анализ и прогнозирование» (Издательство СПбГУ, 2009). Приглашаем заинтересованных авторов прислать нам тексты соответствующего жанра, посвященные анализу недавно вышедших в России и за рубежом монографий, сборников, учебных пособий.

Со следующего номера редакция журнала планирует публиковать не только работы, соответствующие тематике текущего номера, но и материалы, содержащие отклик на предыдущие номера. Мы надеемся, что это будет способствовать развитию научной дискуссии, более разностороннему ретроспективному осмыслению освещаемых нами проблем. Мы приглашаем авторов участвовать в подготовке материалов для последующих номеров журнала, которые будут посвящены состоянию политической социологии (№ 3, 2011 г.), региональному измерению политических процессов (№ 4, 2011 г.), современной российской поли-

тике (№ 1, 2012 г.), идеям политической модернизации в теории и политической практике (№ 2, 2012 г.).

О.Ю. Малинова

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

К СЕМАНТИКЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО

Н.М. МУХАРЯМОВ

Знакомство – даже беглое, выборочное, не претендующее на строгую репрезентативность, – с текстами, появляющимися в тематическом пространстве этнического в его взаимодействии с политикой, обнаруживает такую перегруженность антагонистическими контроверзами, которая в любой другой области общественности воспринималась бы как катастрофическая. Глубокими расколами отмечены не только парадигмальные, когнитивные, идейные этажи этого пространства, но и собственно способы языковой аранжировки позиций, стилистика артикуляций.

Диагностика состояния здесь также варьируется от осторожной обеспокоенности до самых жестких оценок:

– «...словам часто придается очень эмоциональная и политически совершенно разная нормативная оценка» [Ян, 2010, с. 44];

– «...далеко не всегда мы *выбираем* слова осознанно, чаще – следуем сложившимся речевым практикам» [Малинова, 2007, с. 62];

– «ситуация концептуальной трясины» [Тишков, 2010, с. 196];

– «...мы имеем дело с концептуально-идеологическим болотом, в котором погрязли приемлемые и операциональные понятия и смыслы» [Тишков, 2007, с. 22].

Ситуацию вокруг категориального оснащения работ, посвященных взаимодействию этнического / национального и политического, выразительно описал в свое время Уолкер Коннор: «В этом мире Алисы-в-Стране-чудес, где нация обычно означает государство, в котором нация-государство, как правило, означает многонациональное государство, в котором национализм обычно подразумевает лояльность по отношению к государству и в котором этничность, примордиализм, плюрализм, трайбализм, регионализм, коммунализм, парохиализм и субнационализм означают лояльность по отношению к нации, нет ничего удивительного в том, что национализм остается по существу не исследованным» [Connor, 1994, p. 73].

Дело, разумеется, не в том, чтобы констатировать терминологическую неразбериху и распад коммуникаций – академических и публичных – по поводу этнического в его сопряжении с политикой. Если языковые препятствия здесь столь симптоматичны, значит, возникает возможность взглянуть на предмет, воспользовавшись элементами семантического анализа.

«Этнополитика» как денотат и как сигнификат

Парадигмальные, когнитивные, дискурсивные контроверзы, базовые оппозиции и антиномии на предмет этничности и ее политических изводов сегодня стали отправным сюжетом большинства выходящих публикаций. Начинать разговор, отгалкиваясь от эпистемологического конфликта «эссенциализм – конструктивизм», – это сегодня выглядит как знак профессионализма, своего рода норма приличий. Имеющие место противостояния здесь вполне, как кажется, полезно было бы рассмотреть именно в семантических терминах. Враждующие лагеря в известной мере поддаются идентификации с точки зрения способов артикуляции своего предмета, не только стилистики – столь сегментированной, если не поляризованной – языков описания, но и придаваемых словам статусов.

Конфронтирующие стороны занимают – в семантической дислокации – линии обороны вдоль *денотатных* полей, с одной стороны, и *сигнификатных* полей – с другой.

Для кого-то одновременно и в качестве защищаемых позиций, и в качестве орудий выступают такие материи, которые воспринимаются как вещи. Вещи, поддающиеся именованию. «Этнос» и «этнополитика» здесь – денотаты (когда, по Ч. Моррису, объект референции реально существует), референты, бесспорно присутствующие в реальности. Слова объединяются по отношению к одной предметной области. Это – десигнаты (если речь идет о роде объекта или классе объектов) [Моррис, 2001, с. 49], т.е. то, о чем идет речь, то, что эмпирически представлено и оформлено, то, что обладает плотью, живет и действует. Если это этнические единицы, то они естественным образом присутствуют в политике (в каком качестве – субъекта или объекта – разговор отдельный), на практике взаимодействуя с институтами власти и влияния и пр. и пр.

Другие отстаивают свои позиции во имя и при помощи сигнификатов. Здесь понятийные «поля» и связи слов устанавливаются не только (и не столько) с референтными данностями, но – прежде всего – с мыслительными образами. Слова объединяются по критерию принадлежности к одной сфере представлений. Обороняемые рубежи и направления наступлений в данном случае очерчиваются не «этносомами», но «этническим».

Несколько упрощая существо дела, можно отметить, что некоторые предпочитают говорить об «этнополитике», тогда как другие по преимуществу – об «этнополитологии».

Денотатное поле «этнополитики» – чаще всего плод постулирования определенных онтологически данных границ. Свойства этого поля также, в свою очередь, могут быть рассмотрены сквозь призму семантических категориальных значений. Это «субъект – предикат» («имя – глагол»), «субъект – объект», «активность – неактивность», «действие – состояние» и т.д. [см.: Степанов, 1990, с. 438].

Денотативные притязания – врожденное свойство интерпретаций «этнополитики», переходящее из перинатального состояния начала 90-х годов прошлого столетия в нынешнюю стадию отчетливо проявляющейся акселерации дисциплины – обвальных количеств публикуемых материалов, учреждения периодических изданий, составления университетских учебных планов и ВАКовских номенклатур. Уже с самого появления на свет «этнополитика» начала экспансивно позиционировать себя на денотатных пространствах. Этнополитика как «система», как «системная целостность» – и одновременно как «универсальная», «общеприменимая» теория и модель, «которые носят всеобщий характер и применимы к государствам с различными общественными системами». Так, во всяком случае, было заявлено чуть ли не с самого начала [см.: Майборода, 1993, с. 8, 40, 96].

Одновременно с этим – и не менее претенциозно – была предложена развернутая версия аппарата категорий «этническая власть» («этнархия», «этнократия»), «этнополитические институты» («государство как этнополитический институт»), «стратегия и тактика этнополитики», «направления этнической политики – этноэкономическая, этнокультурная, этногосударственная, этноправовая, этноинформационная» [см.: Марченко, 1994, с. 69–76]. Предмет рассмотрения здесь имеет безоговорочный статус реально бытующего референта, интерпретируется *субстанционально* как обособленная область социополитической действительности со всеми полагающимися в таких случаях атрибутами.

Таким образом, денотативные претензии молодой дисциплины изначально особых концептуальных ограничений не ведали. Главное, что здесь постулировалось в качестве чего-то не подлежащего сомнению, – это наличие субъекта «этнополитики».

Проблема субъектности в принципе играет роль главного смыслового ядра семантического пространства этнополитики. В этом плане можно соотнести два разнонаправленных вектора: от политики – к этническому и, соответственно, от этнического – к политике.

Первый из названных векторов представлен в вариантах большей или меньшей этничности, в тех или иных контекстах государствоцентризма. Отправной момент в данном случае предполагает, что «этнополитика» есть одно из направлений государственной политики. «Этнополитика – это внутренняя политика государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений. Это целенаправленная деятельность по регулированию этнополитических процессов, содержащая в своей основе теорию, цель, принципы, главные направления, систему мер по реализации» [Кошкаров, 2006]. Такой взгляд на вещи, несомненно, имеет право на репрезентацию. Однако применительно к нему будет весьма затруднительно подобрать мало-мальски адекватные корреляты в реальной жизни. Какая из «политик», практикуемых в разных областях общественного развития, могла бы отвечать столь строгим критериям, каковыми являются увязанные воедино теория, цели, принципы, направления и меры?

Есть, разумеется, значительно более реалистические (следовательно, релевантные) интерпретации государственной политики в рассматриваемой области. «Этнополитика, – пишет Л.М. Дробижева, – это последовательное регулирование коллективных прав этнических сообществ на территориях их исторического проживания и институционализация этого регулирования через принятие соответствующих законодательных актов и создание государственных органов, ответственных за этническую составляющую внутренней политики государства» [Дробижева, 2001, с. 199].

Несколько обобщая ситуацию, можно констатировать, что в приведенном варианте понятие «этнополитика» – эксплицитно или имплицитно – выступает в качестве законного правопреемника понятия «национальная политика», наследуя его моноцентричным трактовкам. Так, к примеру, истолковывает предмет Ж.Т. Тощенко, говоря о том, что этнонациональная политика «во многом приобрела характер этнополитики» и что она, «как и политика в целом, представляет собой регулятивно-контрольную сферу, направляющую жизнь, деятельность и отношения (согласие, подчинение, господство и конфликт) между различными национальными и этническими сообществами» [Тощенко, 2003, с. 136–137].

Вектор противоположной направленности имеет своим отправным пунктом видение собственно «этноса» в качестве приоритетного носителя деятельности. Мера фундаментализации таких подходов также варьируется. Кто-то полагает, что «этнос» является «основным действующим лицом истории», а, например, геополитика – это «наука о географической детерминации этнополитических процессов в государстве и межгосударственных отношениях» [Платонов, 2002, с. 11, 492]. Кто-то полагает, что «этничность не только онтологична, она более фундаментальный фактор истории, чем экономика, культура и политика» [Соловей, 2008, с. 461].

В иных интерпретациях денотатного плана в качестве субъектов «этнополитики» рассматриваются не сами по себе «этноты», но ассоциирующие себя с ними многообразные акторы. В этом варианте «этнополитика» может предстать как случай «субъект-субъектных» отношений с точки зрения категориальных значений. К примеру, Д. Драгунский писал, что этнополитика – «это процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, с другой – определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета. Таким образом, выражаемые этими группами этнические требования немедленно становятся политическими (расширение суверенитета), а политические, экономические или гуманитарные требования приобретают этническую окраску, при их реализации используются механизмы этнической мобилизации и т.п.» [Драгунский, 1995, с. 40].

Приведенные примеры достаточно наглядно, на наш взгляд, иллюстрируют обширный спектр (разброс) подходов к референциальному видению «этнополитики».

Противоположная позиция, обозначаемая здесь как поле *сигнификатов*, состоит в проблематизации самого понятийного строя для описания взаимодействия этничности и политики. Отсутствие единства именно в *сигнификации* выглядит как первопричина коммуникативных неудач в среде всех пишущих по рассматриваемым темам.

Если в денотатном пространстве сам термин «этнополитика» наделен презумпцией теоретической, аналитической, экспертной и публичной легитимности, то здесь его статус как минимум ставится под вопрос. Прежде всего, скепсис выражается по отношению к генетическим признакам «этнополитики» как наследницы «национальной политики».

Один из звучащих здесь доводов имеет лингвистические основания. Это – полисемия термина «нация» в различных языках. Отсюда же и разночтения в понимании «национальной политики» в русскоязычной традиции, как «nationalities policy», с одной стороны, и «national policy» в англоязычном обиходе – с другой [см.: Соколовский, 2008, с. 186–187; Хрусталева, 2010, с. 102; Ян, 2010, с. 44].

Вторая линия аргументации не в пользу «этнополитики»: ее предшественница в поле сигнификатов «национальная политика» шире по своему логическому объему. Последний в российском контексте охватывает (помимо собственно этнических объектов) еще один приоритетный в смысловом отношении сегмент – региональный, территориальный, федеративный.

Мы не можем, разъясняет суть этой позиции В. Малахов, «заменить выражение “национальная политика” на более определенное – например, такое, как “этническая политика” или “политика в этнокультурной сфере”. Такая замена повлекла бы за собой ущерб для многозначности словосочетания, устоявшегося в российском публичном дискурсе» [Малахов, 2008, с. 132].

Соотнесение «этнического» и «национального» само по себе может стать и источником и инструментом политической актуализации. «В свое время “национальную” окраску этническому дискурсу на уровне международного официального языка помогли придать восточноевропейские лоббисты... – пишет В.А. Тишков, – типологически сходные конструкты стали квалифицироваться в одних странах Европы как языковые или этнические меньшинства, а в других – как национальные меньшинства. Гетероглоссия стала политикой, когда был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Самим названием этого института сфера его деятельности была ограничена странами бывшего СССР и другими подобными лингвистическими последователями в “национальном вопросе”» [Тишков, 2003, с. 150].

Следовательно, произвольно манипулировать лингвистическими знаками «этническое» и «национальное» (или их комбинированными эмблемами) – занятие не всегда безобидное.

Наконец, базовым тезисом при интерпретации «этнополитики» в семантическом поле сигнификатов выступает то, что «этносы» ни при каких обстоятельствах не могут быть субъектами и что политическая жизнь нуждается в деэтнизации, так же как и этничность – в деполитизации. Ни «этносы», ни этнические сообщества как таковые не обладают свойствами социальной субъектности – способностью системного волеобразования и коллективного выбора, целеполагания, всего, что необходимо для выстраивания стратегий политической деятельности. Этничность в политическом смысле для сторонников такого взгляда – это ресурс мобилизации (инструментализм).

Этничность в семантике *policy* и *politics*

Проблематика субъектности – системообразующей, повторимся, для всей тематической области «этнополитики» – самым тесным образом сопряжена с другой смысловой

ипостасью: что есть, собственно говоря, «политика» в данном контексте. Традиционный, классический, ортодоксальный, если угодно, образ политики восходит к аристотелевым *politeia* и *politeuma* (порядку государственного управления, устройству государства). Совершенно естественно желание значительной части интерпретаторов феномена «этнополитика» подойти к нему с мерками государственной организованности: присутствия легитимной иерархии институтов – норм и авторитетных инстанций (часто – специализированных агентств); декларированных принципов, доктрин, стратегий, курса; законодательства; технологий принятия решений и их последующей имплементации; процедур урегулирования спорных ситуаций и конфликтов и пр.

Примечательно, что значительный массив публикаций многих специализирующихся в рассматриваемой области авторов посвящен предыстории и перипетиям принятия «Концепции государственной национальной политики РФ» (1996) и неудачным попыткам «перформатирования» этого документа в наши дни, судьбе органов власти и ведомств, отвечавших и отвечающих в нашей стране за этот «участок». Вопрос состоит не в том, насколько это насущно для определения каких-то базовых ориентиров деятельности органов государства, региональных властей. Вопрос заключается в следующем: насколько это релевантно применительно к «этнополитике»? Здесь вновь складывается любопытная семантическая ситуация.

Вполне хрестоматийным является положение из учебников по политологии относительно терминологической диверсификации в английском языке при обозначении различных сторон политики как явления. *Policy* как активность субъектов (чаще всего, располагающих авторитетными полномочиями), как стратегия и курс – совокупность целенаправленных и последовательных действий, программно упорядоченных шагов и организованных усилий. *Politics* – одна из сфер или подсистем общественной жизни, где выявляются и согласуются интересы, оспариваются позиции и ресурсы властвования.

Можно также добавить к сказанному и такие семантические оппозиции политического, которые часто артикулируются в англоязычных изданиях – *top – down / bottom – up*, с одной стороны, и *overt – covert*, с другой стороны. То есть политические практики по вертикали могут быть направлены «сверху вниз» либо «снизу вверх». По горизонтали же их можно различать на открытые (явные, очевидные) и скрытые (завуалированные, «теневые»).

Применительно к анализу «этнополитики» на русском языке все эти нюансы отражаются в коннотациях и в большинстве случаев не получают специальной концептуализации, это вполне естественно для академической, публичной, дидактической, медийной ипостасей русской лингвокультуры. Странно было бы требовать от отечественных авторов, чтобы они непременно изъяснялись исключительно при помощи заимствований (их и так часто укоряют за «птичий язык»). В русском языке в достатке собственных словарных возможностей, позволяющих привести в действие какие угодно уточняющие процедуры, выстраивать свои – не менее адекватные – аналитические дихотомии.

«Этнополитика» как *курс* – это область политико-административного управления, формирование общенациональной (федеральной) «повестки дня», централизованное или региональное нормотворчество, программно-целевой подход, текущее регулирование. Ядром этого семантического пространства выступает связка «этничность – власть». «Этнополитика» как *сфера* – это не только (и, возможно, не столько) дело интегрированного целодостижения, но совокупность многообразных способов деятельности и моделей поведения множества разношерстных «действующих лиц», пестрого состава акторов или агентов. В центре этой семантической проекции, по-видимому, можно без большой погрешности поместить концепт «влияние», соискателями которого зачастую выступают всевозможные элиты, «этнические активисты», «антрепренеры» [см.: Паин, 2004].

Далее, в разграничении обеих смысловых граней этнополитического существенны и такие дихотомии: «политическое управление – политическое поведение»; «определение политики – участие в политике»; «выработка политики – отношение к политике»; «стратегический подход – ситуационный подход»; «институциональная деятельность – неинституциональная активность», «нормы – предпочтения», «поддержка – протест» и т.д.

Наконец, важной стороной различения того и другого является то, что можно обозначить как «уровни участия». Заслуживает внимания, к примеру, пилотное издание словаря «Этничность», предпринятое под эгидой Международного совета по социальным наукам и Комиссии по концептуальному и терминологическому анализу. Предложенная составителями словаря аналитическая матрица разбита на следующие содержательные категории:

- «этничность как политика»;
- «этничность как психология»;
- «этничность как классификация»;
- «этничность как область исследования».

Она также выделяет следующие «уровни интенциональности» (указание на тех, кто вовлечен в обсуждение):

- «этнические акторы»;
- «должностные лица администрации»;
- «исследователи-обществоведы»;
- «методологи» [см. подробнее: Мухарямов, 1996, с. 62–63].

В приведенной матрице важна не корректность номенклатур или полнота таксономии. Оба измерения можно по-разному градуировать и дополнять. Этничность, разумеется, содержательно представлена отнюдь не только в четырех названных разрядах. Собственную «интенциональность» демонстрируют «действующие лица» значительно более широкого спектра, включающего множество элитных (суб- и квазиэлитных) категорий: региональные и трансрегиональные, символные, медийные, вероисповедные, профессионально-гуманитарные и пр. Большее значение имеет сам акцент на разные формы интенциональности.

«Этнополитика» как официально декларируемый курс предполагает определенную мотивацию, соображения и виды. Стержневым началом в деятельности властных инстанций здесь, как и везде, выступает стремление к легитимации, что может получать какое угодно доктринальное обрамление. Репертуар официально-идеологических формул в отечественных условиях эволюционировал во времени от «дружбы народов», «расцвета и сближения» в былые времена до «межэтнической стабильности» или «толерантности» в наши дни.

Структуры интенциональности в «этнополитике» как *сфере* скорее не иерархичны по критериям политико-административных компетенций, но стихийно переплетены во всем пространстве многообразных практик.

Индивидуальные акторы здесь выступают в роли соискателей самых разных вещей, когда ставкой является тот или иной *бенефиций* – признание и уважение, самореализация, неформальный статус или престиж в глазах соратников, карьерные преференции, академические звания и должности, эфирное время и тиражи, гранты и лекционные туры, узнаваемость и прочая символная ликвидность, идейно-моральная капитализация.

Разнообразные программы, доктрины, платформы, любые интенциональные декларации этнополитических движений и способы их идеологического обоснования в качестве семантического ядра содержат *требования*, варьирующиеся в пространственных пределах. Спектр практикуемых стратегий имеет протяженность от умеренных принципов «культурного возрождения», «аккомодации», «автономизма» до радикальных версий «сепаратизма» и «ирреденты», включая пандвижения и панидеологии.

В названном контексте часто возникает нужда в семантических нюансировках, чему легко подыскать показательные примеры. Комментируя пресловутый «парад суверените-

тов», Г.В. Старовойтова писала: «В течении 1990 и 1991 гг. все российские автономные республики в одностороннем порядке стали объявлять себя “суверенными государствами”... Парадоксальным является то, что идея суверенитета в российском политическом словаре того времени не подразумевала независимость или возможность отделения от России. Она просто предполагала больше свободы для территорий распоряжаться своими естественными ресурсами по своему усмотрению, заниматься международной торговлей и вести переговоры о величине налога, который им следует платить федеральному правительству» [Старовойтова, 1999].

Этнополитическая активность в семантическом плане предполагает, как отмечалось выше, категориальное значение «субъект – объект». В виде объекта в данном случае могут фигурировать разные вещи. Официальная «этнополитика» или «этнонациональная политика» [см.: Соколовский, 2008, с. 187; Тощенко, 2003, с. 136–142] или соответствующий курс в качестве такового – эксплицитно или имплицитно – предполагают что-то одно. Это, вообще говоря, *состояние* «этносферы», «межэтнических / межнациональных» отношений. Смысловая грань *сферы* тяготеет к акцентированию чего-то другого. Приоритетные задачи в этом варианте, как можно предположить, состоят не только в воздействии, направленном на желаемое положение дел с этничностью, но также и на поведение других. Так, национализм фактически преследует цели воздействия на взаимоотношения *между* сообществами, но не только. Не менее существенные намерения состоят в том, чтобы ранжировать статусы и роли *внутри* сообщества – целевого объекта сплочения или каким-то образом дисциплинировать «своих».

По-своему рационализированная формула была в свое время предложена применительно к языковой политике (теснейшим образом, кстати сказать, примыкающей к «этнополитике») Р. Купером. «Какие *акторы* пытаются влиять, на какое поведение, и каких *людей*, в каких *целях*, при каких *условиях*, какими *средствами*, через какие *процессы принятия решений*, и с каким *эффектом*» [цит. по: Hornberg, 2006, p. 24].

Таким образом, «этнополитика», понимаемая как *policy (policies)*, имплицитно тяготеет к интенциям воздействия на определенную систему, на институты, статусные атрибуты, на легитимный контроль. В качестве предположения, нуждающегося в специальной верификации, можно было бы отметить, что данный смысловой сегмент выглядит как область *действительных залогов*. Есть субъект (актор, агент, носитель активности...), предпринимающий целенаправленные шаги, проводит политику или «политизирует» какой-то объект (в данном случае – этничность).

Нередко, правда, то, что представляется «политикой», на деле является слабо упорядоченной, стратегически недостаточно фундированной совокупностью действий *ad hoc* реагирования в ситуативных обстоятельствах.

Понимаемая же в качестве *politics* «этнополитика» – это область не поддающихся программированию явлений, факторов (по-разному существенных), атрибутов, зачастую непреднамеренных эффектов, выступающих в комбинации с причинами и следствиями, условно говоря, *экстраэтнического* порядка. Иными словами, этнополитическое феноменологически, как правило, представлено в сложном соединении с иными по своей природе обстоятельствами – экономическими, ресурсными, территориальными, социальными, религиозными, правовыми, внешними и внутренними геополитическими etc. Продолжая выдвинутое выше предположение, укажем: эта смысловая перспектива по преимуществу – область *сострадательных залогов*. Что-то (этничность) испытывает на себе действие – выступает в роли объекта политики или объекта политизации.

В силу сказанного в подобных случаях корректнее всего оперировать термином «этнополитическое».

Семантическая валентность «этнополитики»

Существенный индикатор концепт-анализа – способность слов выступать в сочетании с другими словами. Речь в нашем контексте, конечно, не идет о строгих синтаксических материях. Однако вполне уместно посмотреть, с какими терминами, активно или пассивно, обязательно или факультативно, взаимодействует «этнополитика». На проблему можно взглянуть в логико-интуитивных ракурсах либо с позиций эмпирической частотности.

Интуиция подсказывает, что наиболее заметные и постоянные партнеры этнополитического по семантическому взаимодействию – это «кризис» и «мобилизация».

Анализ состояния такой вполне обособленной субдисциплинарной подсистемы, как этнополитическая конфликтология, – самостоятельная тема. Эта аналитическая область знает своих «классиков» [см.: Малахов, 2005, с. 241–259]. Знает она и активных разработчиков в российском исследовательском сообществе, со стороны которых предложены подробные типологически идентифицирующие процедуры [см.: Ачкасов, 2007, с. 769–770]. Для нашего случая свой интерес состоит в том, чтобы отметить характерные подходы, стремящиеся разрушить негативный ассоциативный контекст. Последний образуется, во-первых, за счет имплицитного обвинительного уклона в оценке действий «этнических акторов» и, во-вторых, в преобладании двухвалентных проекций «этнополитика – конфликт». И в зарубежной, и в отечественной литературе постепенно зазвучали призывы к отказу от традиционно сложившейся односторонности.

Применительно к постсоветским «кейсам» Андреас Каппелер писал: «Радикальные демократы, упорно придерживающиеся принципа большинства и игнорирующие в своей концепции демократии защиту меньшинств, способствуют конфликтам точно так же, как и бескомпромиссные приверженцы этнонационального принципа» [Каппелер, 2010, с. 22].

Другой существенный момент состоит в отказе от семантического образа «этнополитики» как болезни, что было концептуально заявлено в середине 1990-х [см.: Оффе, 1996, с. 86]. Альтернативное видение предлагается строить не в двух-, а в трехвалентной версии: «этнополитика» как конфликт и как сотрудничество [см., например: Cornell, Wolff, 1994, p. 5–16]. Чуть раньше в российской литературе был выдвинут тезис о том, что наряду с «деформированными видами этнополитики» следует выделять и «позитивную этнополитику». Это включало и рекомендации в плане умения «использовать интересы местных этнических групп как приводные ремни политики центра» и, напротив, отказаться от «привычки видеть в меньшинствах своего рода козлов отпущения», «распределять через этнические группы средства, выделяемые для этих групп» [Тощенко, 2003 с. 143–156].

В целом можно констатировать, что понимание «этнополитики» в конфликтной или конфликт / консенсусной перспективах – с соответствующей семантической окраской терминологического аппарата – есть вопрос идейно-политического выбора.

Валентная пара «этнополитика – мобилизация» имеет более сложную теоретическую биографию.

В российских изданиях по этнополитической проблематике понятие «этническая (этнополитическая) мобилизация» на ранних этапах пребывало в несколько маргинальном положении. Говоря о мобилизации данного типа, авторы подразумевали и во многом продолжают понимать нечто манипулятивное, искусственно привнесенное в сферу политического и этнического. Акцент здесь приходится на такое ключевое слово, как «средство». Например, А. Юсуповский писал об этом как об «артефакте», «ситуативной политической функции», не свойственной этничности [Юсуповский, с. 106].

В работах, публиковавшихся по этнополитической проблематике на Западе, понятие «мобилизация» изначально служило как базисное. Уже в период, когда внедрение категории «этничность» в политологический обиход еще нуждалось в особом обосновании, аргументация часто увязывалась с функциями мобилизации. Известное введение к коллективной монографии «Этничность. Теория и опыт» (1975), написанное пионерами дисциплины Н. Глейзером и Д. Мойнихеном, неоднократно апеллирует к мобилизующему потенциалу феномена этничности. Религиозные, языковые, культурные различия и характеристики, даже находясь в стадии ослабления или стирания, даже становясь все более «символическими», как пишут эти авторы, «могут служить основой для мобилизации. Таким образом, имеется некая легитимность для того, чтобы считать эти формы идентификации, основанные на таких разных реальностях, как религия, язык, национальное происхождение, в чем-то едиными настолько, что для соответствия всему этому изобретается новый термин “этничность”. Что у них у всех общего – так это то, что они становятся эффективным средоточием для групповой мобилизации во имя конкретных политических целей, бросая вызов мобилизационной первичности класса, с одной стороны, и наций – с другой... Как политическая идея, как мобилизационный принцип, этничность в наши дни распространилась по всему миру» [Glazer, Moynihan, 1975, p. 18–19]. Следовательно, с самого начала этничность феноменологически трактовалась в связке с мобилизующим потенциалом, с такими функциями по организации групповой или коллективной идентичности, которые играют системообразующую роль.

Проблема «мобилизованной этничности» становится предметом теоретико-методологической рефлексии. Концептуализируя различия между «этническими категориями» и «этническими группами» как двумя типами коллективности, Р. Джексон отталкивается от критерия мобилизованности, организационной консолидации на основе интереса. Категории, по Мертону, могут быть мобилизованы в группы. В этнонациональном контексте, согласно Карлу Дойчу, процесс nation-building предполагает прежде всего «социальную мобилизацию» – процесс, посредством которого локальные идентичности абсорбируются более крупными, национальными по характеру. Этническая мобилизация в отличие от константной дремлющей этнической «данности» – расы или языка – требует особого пояснения, продолжает автор. Главное – это обстоятельства, порождающие мобилизованное состояние этничности. Указывают три переменные: 1) национальное самоопределение, 2) социально-экономическая модернизация, 3) политическая демократия. Именно мобилизация, возможно, в большей мере, чем другие атрибуты этнического, превращает его в предмет не только этнологии, но и всех социальных наук [Jackson, 1984, p. 208–218].

По-особому акцентированно сюжеты этнической мобилизации были представлены в этапной монографии Милтона Эсмана «Этническая политика» (1994). Для понимания динамики этнической политики главенствующими служат два концепта – «этническая мобилизация» и «конфликтный менеджмент». Предложенная М. Эсманом интерпретация одной из двух основополагающих категорий этнополитического дискурса исходит из того, что «мобилизация – это процесс, посредством которого этническая общность становится политизированной во имя ее коллективных интересов и стремлений». Толчком к этому могут служить различные импульсы: формирование «референтного» сегмента – образа «другого», с которым сравнивается положение этнической группы. Далее, мобилизация может носить либо наступательный, либо оборонительный характер. Как правило, состояние мобилизованности наступает в результате сочетания нескольких побудительных стимулов. Мобилизация этнополитического типа происходит под воздействием сложных мотивирующих структур. Это и сильное чувство ущемленности, и страх за утрату ценностей, и угроза интересам. Но необходимы также, особо подчеркивает М. Эсман, и «позитивные побудители»: ожидания большего достоинства или материальных выигрышей. Сами по себе чувства солидарности

или моральный долг – отнюдь не всегда достаточны для эффективной мобилизации [см.: Esman, 1994, p. 24–29].

В целом «этнополитическая мобилизация» может рассматриваться или как синоним «национализма», или как рядоположенное понятие со своими специфическими признаками – необходимыми, но не всегда достаточными для национализма.

Таким образом, этнополитическое вновь предстает скорее не в виде сущности, но функции. Искать обособленные подсистемы «этнополитики» в практике властных инстанций или неправящих сил – занятие как минимум не бесспорное. Семантика этнополитического обладает более перспективной эвристикой по сравнению с дискурсами моноцентричной «этнополитики».

Список литературы

Ачкасов В.А. Этнополитология // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 800 с.

Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Политические исследования. – М., 1995. – № 3. – С. 40–48.

Дробижнева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – С. 199–221.

Каппелер А. Субнационализм наций без государства // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе: В 3 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 3: Национализм в национально-территориальных образованиях. – 423 с.

Кошкарров Н.В. Дискурс национализма: (Bibliography review) // Credonew. – 2006. – № 4. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/588/58/>

Майборода А.Н. Теория этнополитики в западном обществоведении: структура и принципы исследования. – Киев: Наукова думка, 1993. – 228 с.

Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.

Малахов В.С. Национализм и «национальная политика» российской власти, 1991–2006 // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 131–156.

Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et contra. – М., 2007. – № 3, май–июнь. – С. 60–65.

Марченко Г.И. Этнополитология как наука // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – М., 1994. – № 3. – С. 62–79.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.

Мухарьямов Н.М. Вопросы теории этнополитического анализа. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996. – 188 с.

Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Политические исследования. – М., 1996. – № 3. – С. 86–93.

Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с.

Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. – СПб.: Речь, 2002. – 520 с.

Соколовский С. Эссенциализм в российском конституционном праве (на примере терминологии, используемой в конституциях республик в составе РФ) // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 184–234.

- Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. – М.: Русский мир, 2008. – 480 с.
- Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. – СПб., 1999. – Режим доступа: [http:// www.vehu.net/politika/starovit/index.html](http://www.vehu.net/politika/starovit/index.html)
- Степанов Ю.С.* Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 438–440.
- Тишков В.* Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. – М., 2007 – № 3, май–июнь. – С. 21–41.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- Тишков В.* Постнационалистическое понимание национализма? // Национализм в поздней– и посткоммунистической Европе: В 3 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. – С. 169–227.
- Тоценко Ж.Т.* Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
- Хрусталева М.А.* Методология прикладного политического анализа. – М.: Проспект, 2010. – 160 с.
- Юсуповский А.* От национального кризиса к национальному соразвитию: в поисках адекватной модели // Общественные науки и современность. – М., 1994. – № 5. – С. 102–112.
- Ян Э.* Государственная трансформация на востоке Европы. «Второе национальное возрождение» или национализм, национальные движения и образование государств в поздней– и посткоммунистической Европе с 1985 года // Национализм в поздней– и посткоммунистической Европе: В 3 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. – С. 169–227.
- Connor W.* Ethnonationalism. The quest for understanding. – Princeton: Princeton univ. press, 1994. – 234 p.
- Cornell K., Wolff S.* Ethnopolitics in contemporary Europe // The ethnopolitical encyclopaedia of Europe. – Houndmills; Hampshire: Palgrave, 2004. – 744 p.
- Ezman M.* Ethnic Politics. – Ithaca: Cornell univ.press, 1994. – 277 p.
- Hornberg N.H.* Frameworks and models in language policy and planning // An introduction to language policy: Theory and method / T. Recento (ed.) – Oxford: Blackwell publishing, 2006. – P. 25–41.
- Jackson R.N.* Ethnicity // Social science concepts. A systematic analysis. – L.: Sage, 1984. – P. 206 – 234.
- Glazer N., Moynihan D.P.* Introduction // Ethnicity. Theory and experience / N. Glazer, D.P. Moynihan (eds.). – Cambridge: Harvard univ. press, 1975. – 531 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

А.М. КУЗНЕЦОВ

Реформируемая Россия восприняла целый ряд новых идей, представлений и ценностей, связанных с феноменом этнического плюрализма: этничность, мультикультурализм, этническая идентичность, толерантность и др. Однако, заимствуя определенные научные и общественно-политические взгляды, мы не всегда представляем причины их возникновения и обстоятельства востребованности. Между тем даже среди зарубежных специалистов возникают сомнения по поводу подобных ситуаций заимствования. Например: «...если наши теории об этничности и нации формируются, как это часто происходит, в метрополиях, таких как Великобритания и Соединенные Штаты, могут ли они быть адекватными для понимания процесса формирования идентичности и соперничества в таких колониях, как Канада, Австралия и Новая Зеландия?» [Maskey, 1999, p. 11]. Вполне очевидно, поставленный вопрос становится вдвойне актуальным для российской науки. Поэтому нам очень важно понять те исторические и социально-политические контексты, в которых происходит развитие конкретных исследовательских традиций. В этом смысле я солидарен с позицией, представленной Дж. Маклюр: «Не существует герметических границ между репрезентацией и реальностью, и на самом деле репрезентация является неотъемлемой частью реальности» [MacLure, 2003, p. 10]. Сегодня нам остро необходим специальный анализ основных условий и парадигматических оснований формирования разных традиций фиксации и интерпретации проблемы «этнокультурного разнообразия» в получивших поистине глобальное распространение американском и канадском вариантах политической теории.

Следует учитывать, что обсуждению проблемы этнокультурного многообразия долгое время не уделялось особого внимания. До недавнего времени все были уверены в скорой *ассимиляции* сохраняющегося культурного плюрализма несколькими доминирующими культурами. Однако во второй половине XX в. стало уже очевидно, что «...культурные различия в обществе, организованном в форме государства, не только не исчезают или сглаживаются, но, напротив, проявляют явные тенденции к нарастанию» (здесь и далее курсив мой. – А.К.) [Тернборн, 2001, с. 51]. Плюралистические идеи оказались востребованы в США после развертывания борьбы *афроамериканцев* за гражданские права и *молодежных движений* конца 1960-х годов, явившихся кульминацией формирования *молодежной субкультуры*. Затем после официального признания Канадой в 1971 г. политики *мультикультурализма* и американский культурный плюрализм был переименован для приведения в соответствие с этим ставшим популярным новшеством [Hollinger, 2005, p. 98].

В силу своей замечательной *неопределенности* концепт «культура» хорошо подходил для описания самых разных обстоятельств и субъектов. Как показал канадский политический философ Ч. Тейлор, теперь даже «*демократия* стала выражать себя в *политике равного признания*», принимающей в разное время разные формы, в последнее же время она представлена как требование равного статуса для разных культур и гендеров [Taylor, 1992, p. 27]. При этом реальные различия условий разных стран дали толчок к поиску разных идей и подходов в разработке культурной проблематики. Например, в американском контексте признание значимости этнокультурной тематики стало основой для широкого распространения *идеи идентичности*. Как отметил Г. Тернборн, «*политика идентичности (или политика различия, как ее называют)...* была следствием борьбы за институциональное равенство, когда то, что отличается, утверждается как равно достойное» [Тернборн, 2001, с. 52]. Р. Брубейкер и Ф. Купер подтверждают: «Пафос и резонанс идентичностных претензий в

современных Соединенных Штатах имеют много истоков. Одна из основных причин данного состояния заключается в центральной проблеме американской истории – *ввозе порабощенных африканцев*, укорененной расовой дискриминации и ответной реакции со стороны афроамериканцев... Данный опыт значим не только в контексте расовой проблематики, но с конца 1960-х годов он используется как *шаблон для утверждения идентичностей всех видов*, включая основанные на половой принадлежности... сексуальной ориентации, этничности и расе» [Брубейкер, Купер, 2002, с. 105]. Другой автор констатировал: «Фактически в Соединенных Штатах термин “мультикультурализм” часто применяется в отношении всех видов *политики идентичностей*» [Kymlicka, 2004, р. 9]. А Д. Холлинджер также заметил: «Самым предпочтительным словом в *дискурсе мультикультурализма* теперь является *идентичность*» [Hollinger, 2005, р. 6]. В других социально-политических контекстах, в том же канадском, большую значимость получила собственно политика мультикультурализма, направленная на скорейшее включение мигрантов и некоторых других отличных общностей в принимающее сообщество. Альянс американской идеи идентичности с канадским мультикультурализмом повысил уровень *неопределенности* в их базовых формулировках. Не случайно вскоре обнаружилось, что попытки закрыть все возникавшие проблемы в рамках принятых концептов стали причиной издержек, которые, в частности, дали основание С. Хантингтону утверждать: «Культы мультикультурализма и многообразия заняли место культов *левизны, социалистической и пролетарской идеологий*» [Хантингтон, 2004, с. 225–226]. Одну из причин произошедших перемен показал, в частности, историк Р. Дей, который объяснял эти новые тенденции *вызовом постмодернизма*, заставившим отказаться от прежних *универсалистских представлений* и обратить внимание на реальность *многообразия* в обществе и культуре [Day, 2000].

От проблематики культуры к признанию этничности

Коллизии с попыткой придания культуре роли всеобщего ключа к решению различных проблем, а также участвовавшие проявления «этнического возрождения» повлекли за собой необходимость признания в исследовательском поле еще одного концепта – *этничность*. Взаимосвязь этих базовых концептов получила выражение в новом определении – *этнокультурное происхождение*. Сама идея этничности получила признание у зарубежных исследователей только с конца 1960-х годов XX в. [Barth, 1969]. Но все более распространявшееся влияние концепта идентичности часто приводило к тому, что и сам процесс «*этнического возрождения*» стал рассматриваться как часть более широкого движения, получившего название «*политика идентичности*» [Kymlicka, 2004, р. 9]. Одну из причин подобного отношения к явлению этнического многообразия объяснила Ф. Беккер: «Вплоть до середины 1970-х годов еще существовал широкий консенсус по вопросу о том, что *этнические различия будут стираться в процессе модернизации*. Поэтому этничность рассматривалась только как *третьестепенный фактор*, и, по общему тогдашнему убеждению, этнические различия можно было списать в подстрочник истории» [Беккер, 2001, с. 68]. Но почему-то это сугубо «временное и незначимое обстоятельство» все более и более настойчиво заявляло о себе. Поэтому науке, в том числе ее политической отрасли, пришлось по-новому взглянуть на него.

Сразу приходится констатировать, что исходная разнородность социально-политических контекстов стран и регионов определила различия и в трактовках этнического феномена. Так, одно из влиятельных за рубежом направлений рассматривало заявившее о себе «этническое возрождение» как *эпифеноменальное явление*, обусловленное желанием достижения материального успеха, безопасности или власти. Другое – объясняло рост этнополитической активности *конфликтными мотивами*, изначально свойственными данному фено-

мену. Представления подобного рода получили воплощение, в частности, в классических работах Дж. Ротшильда [Rothschild, 1981] и Д. Горовица [Horowitz, 1985]. Перечень различных трактовок зарубежными авторами концепта этничности можно было бы существенно продолжить. В результате же мы лишь получим *широчайший спектр взаимоисключающих* мнений, на одном полюсе которого окажутся *народы или нации*, а на другом – лишь *коренное население, мигрантские диаспоры* или же *инвалиды, сексуальные меньшинства* и даже *коммунисты* [Cashmore, 1996; Eriksen, 1999; Fenton, 2010; Jenkins, 2008; Reminick, 1989 и др.]. Не случайно, оценивая позднее состояние дел в рассматриваемой сфере, Р. Коллинз пришел к выводу: «Аналитическое осмысление этничности составляет одно из *слабых мест* социальных наук... в [проводившихся] исследованиях самоочевидным казался вопрос о том, почему же существуют этнические группы» [Коллинз, 2005, с. 19–20]. Среди попыток ряда современных авторов предложить более «глубокую» концепцию этничности можно отметить работу Г. Хейла. Он постарался уйти от прежних аргументов поведенческой мотивации в рассматриваемой сфере. Выход из сложившегося тупика, как полагает автор, заключается в том, чтобы вернуть теорию этничности и идентичности на ее прежнее основание, предполагающее активное использование данных исследования психологии человека [Hale, 2008, р. 2]. Поэтому его разработки велись в рамках теории микроуровня, предполагающей «*сверх-мягкую*» трактовку базовых концептов идентичности и этничности, т.е. их представление как *явлений сознания*. «Психологизация» проблемы этничности и этнической политики Хейлом стала возможной благодаря использованию ряда экономических положений либерализма, и прежде всего – о значимости сознания для максимизации человеком своей выгоды [Hale, 2008, р. 33]. При этом исследователь абсолютно уверен в том, что «такие явления, как собственно этнический интерес или этническое предпочтение, не существуют. На самом деле мы должны исходить из убеждения, что поведение этнических общностей определяется теми же основными мотивами, которые направляют поведение человека в различных обстоятельствах. Один из таких мотивов включает желание материальной выгоды и экономического процветания» [Hale, 2008, р. 52]. К сожалению, подобную попытку представления этничности как своеобразного «бизнес-проекта» трудно признать удачной. Фактически развиваемый Г. Хейлом подход является еще одной попыткой, наряду с мультикультурализмом, идентичностью и др., уйти от собственно этнического феномена, на этот раз, в психологические дебри. Не менее примечательны и регулярные попытки «приручить» этничность путем ее элиминации в этническую или национальную идентичность [Guibernau, 2008 и др.]. Почему все это делается, наглядно объяснила М. Ривз: «...“этничность” в качестве аналитического инструмента уже изрядно выработала свой ресурс – она больше *скрывает*, нежели *обнаруживает*» [Ривз, 2008, с. 25].

Следует учитывать, что ограничения и сложности, возникающие в случае признания значимости фактора этничности, появляются еще и потому, что это признание естественным образом повлечет за собой необходимость формирования особой *этнической политики*. Как полагал Мартин, подобная новая сфера политической жизни «означает не только принятие неких мер в отношении членов конкретной этнической группы, но в первую очередь государственную поддержку национальных территорий, языков, элит и идентичностей этих этнических групп» [Мартин, 2002, с. 80]. При таком подходе и влиятельный мультикультурализм может быть представлен как набор требований этнокультурных групп к государству или же в качестве ответа этнокультурных групп на требования, которые предъявляет к ним государство в стремлении продвинуть процесс интеграции [Kymlicka, 2004, р. 25]. Произшедшая политизация этнической проблематики оказывала и оказывает существенное влияние на сугубо академические попытки постигнуть данное явление. Но не стоит полагать, что подобное отношение к этнической проблематике является лишь результатом чьей-то «злой воли», приведшей к внедрению неких двойных стандартов. Причины здесь более глубокие,

и для понимания проблемы этнического необходимо обратиться к аргументации позиций как его противников, так и сторонников.

Альтернативы концепции этничности

Не приходится удивляться, что разработка проблемы этничности ведется за рубежом в условиях постоянной критики со стороны приверженцев других приоритетов в исследовании проблем разнообразия. Одни авторы в решении возникающих проблем по-прежнему делают ставку на принцип общего гражданства [критику этого подхода см.: Young, 1989]. Сторонники признания значимости этничности упрекают своих оппонентов: «Очевидно, что во многих полиэтничных и мультинациональных государствах риторика гражданства традиционно использовалась в интересах защиты интересов доминирующей национальной общности» [Kymlicka, Norman, 2000, p. 10–11]. Еще одним конкурентом концепции этничности за влияние в разработке проблемы разнообразия является, как уже отмечалось, идея распространения универсальных прав человека (индивида). Как полагает тот же Л. Хенкин, «права человека являются идеей нашего времени, единственной морально-политической идеей, получившей всеобщее признание» [Henkin, 1990, p. ix]. (Здесь будет уместно вспомнить и призывы Р. Рорти к созданию глобальной общности, основанной на этой идее.) Причины популярности представлений подобного рода объяснил У. Кимлика: «Такой переход... к универсальным правам человека приветствуется многими либералами, так как представляется естественным развитием достигнутого ранее успеха в защите религиозных меньшинств... Многие либералы послевоенного периода полагали, что религиозная толерантность, основанная на разделении церкви и государства, служит также и моделью для этнокультурного разнообразия. Согласно данной точке зрения, этническая идентичность, подобно религии, представляет собой нечто такое, что *люди должны свободно выражать в своей частной жизни, но не там, где дело касается государства*» [Kymlicka, 1995, p. 3]. С критикой подобной универсализации идеи прав человека выступили также и другие авторы [Gurtov, 1991; Ignatieff, 2003].

Свою альтернативу разработке проблемы многообразия с позиций концепции этничности, получившую название «постэтническая перспектива», предложил, например, Д. Холлинджер. Он не принимает «этнизации всех дискурсов через децентрирующие стратегии постмодернизма», но признает наличие самой проблемы. Автор рассмотрел сложившуюся в США на текущий момент ситуацию через призму идеи «этнорасового пентагона», который представляет замечательный исторический артефакт... сама его структура из пяти частей предполагает охват всех нас [черных, коричневых, красных, белых, желтых. — *А.М.*]» [Hollinger, 2005, p. 24]. В духе времени он рассматривает расу, так же как и этничность, лишь как *социально конструируемые явления* [Hollinger, 2005, p. 34]. Собственно идея постэтнической перспективы Холлинджера «предлагает и развивает *космополитический идеал* в особом историческом контексте более высокой оценки различных вариантов этнической взаимосвязанности последней четверти столетия. В противоположность либеральной критике этноцентризма, практиковавшейся в середине столетия, современные размышления об “общности” были направлены только на местные, региональные, религиозные и этнорасовые объединения... Термин “постэтнический” представляет попытку сформулировать и развить космополитические инстинкты в этой новой оценке этноса» [Hollinger, 2005, p. 4]. Следовательно, свою задачу автор снова видит в том, чтобы выйти за ограниченные рамки объединений подобного рода на некий метауровень. Что это за уровень и почему он говорит об этносе, стремясь фактически уйти от признания этничности, можно понять из дальнейшего развития Д. Холлинджером своей концепции.

Делая свою ставку на космополитизм, автор подчеркивает, что его фокусом является *индивид*, который одновременно может быть включен в различные объединения [Hollinger, 2005, p. 86]. По этой причине ему было необходимо во что бы то ни стало опровергнуть представление об *эссенциальной* (заложенной происхождением) природе человека. Эту задачу он также попытался решить с помощью востребованной идеи идентичности. В отличие от некоторых авторов, отстаивающих правомерность использования подобной идеи только к уровню индивида [Брубейкер, Купер, 2002], этот исследователь придает ей более широкое значение, предполагающее, что участие в разных объединениях связано с образованием различных вариантов идентичности. Но при этом он подчеркивает «стремление постэтничности трактовать этническую идентичность скорее как вопрос, а не как данность... Постэтническая перспектива признает психологическую ценность и политическую роль групп, определяемых по происхождению, но она настаивает на отказе от предписанных различий между личностями...» [Hollinger, 2005, p. 109]. Ставка на космополитичного (автономного) индивида и его идентичность получила у Холлинджера дальнейшую методологическую реализацию: «Концепт идентичности стали применять к обществу в целом после того, как оно стало рассматриваться *по аналогии с отдельной личностью* или “характером”» [Hollinger, 2005, p. 189]. Вполне логично, что при наличии столь важного связующего звена одним полюсом исследования Холлинджера становится индивид, другим – *общество тождественных космополитов*, которые независимо от своих этнорасовых особенностей образуют целостную нацию. Примечательно, что в дальнейшем автор уже практически не обсуждает тему общества, сосредоточив свое внимание на проблеме нации. Для него «с точки зрения постэтничности *идеальной нацией* является демократическое государство, определяемое гражданским принципом национальности в отношении этнорасового многообразия населения и обладающее собственным *национальным этносом*. Этот последний элемент – национальная культура – слишком часто принижается современными мультикультуралистами, но без него в процессе взаимодействия постэтническая национальность может быть легко устранена силами транснационального капитализма и этнорасового партикуляризма» [Hollinger, 2005, p. 132–133].

Фактически этот исследователь хотел найти основание для интеграции разнородных объединений в единую общность. Наряду с определенной идентичностью он нашел его в особом национальном этносе, по сути дела, представляющим собой *культуру гражданской нации*. Ранее Холлинджер упоминал этнос «как оппозицию не только к виду (человечеству. – А.К.), но и к наиболее близкому ему явлению в его национальном эквиваленте – американской нации» [Hollinger, 2005, p. 65]. Теперь соотношение между этносом и нацией в его концепции становится более очевидным. Затем взаимосвязь представленных концептов была еще раз конкретизирована: «Обращаясь к классическому разделению между гражданским и этническим... имея в виду случай Соединенных Штатов, я хотел бы представить здесь мое наблюдение, согласно которому такое разделение теряет смысл, поскольку с течением времени гражданское определение может помочь сформировать нечто такое, что принято считать этническим» [Hollinger, 2005, p. 216]. Однако не стоит обольщаться, что, используя термин «этнос», Д. Холлинджер признал значимость самого явления этничности. В заключение своей работы он четко расставил все акценты: «...я менее всего хотел бы ослабить напряжение между требованиями племени и интересами человека и сформировать такое политическое пространство, на котором всем заправляет племя» [Hollinger, 2005, p. 211]. Далее – еще конкретнее: «Это означает признание *индивидуалистического фокуса в американской политике – индивиды, но не группы включаются в нашу нацию*» [Hollinger, 2005, p. 217].

Следовательно, логика рассуждений Д. Холлинджера может быть представлена следующим образом. Современная реальность США характеризуется сохранением этнорасовых различий отдельных индивидов, составляющих население страны. В результате определен-

ной политики государства и иногда достаточно длительного сосуществования отдельных общностей в рамках демократического государства возникает единая культура, которая со временем может нивелировать подобные различия. Под влиянием этого процесса гражданская общность может трансформироваться в этнокультурное, а возможно, и расовое единство, которое можно определить как *этнос*. Подобный сценарий может стать реальностью в случае развития у составляющих американскую нацию индивидов космополитических инстинктов и соответствующей идентичности, т.е. заложить у них культуру американского этноса. Нетрудно заметить, что концепция Д. Холлинджера, несмотря на достаточную оригинальность, основана на характерных принципах североамериканского дискурса социально-политических наук. В ней нашли свое место и расовые различия, и идентичность, и национальная культура. Интеграция всех этих концептов была проведена на взаимосвязанных уровнях сначала *индивида*, а затем и *американской нации*. Поэтому, как уже отметил его оппонент У. Кимлика, в реальности космополитизм Холлинджера обернулся, в лучшем случае, *панамериканизмом* [Kymlicka, 1995, p. 271–272].

Этничность и проблема признания прав этнических общностей

Среди наиболее последовательных сторонников признания значимости собственно этнического фактора следует отметить канадского политического философа У. Кимлику. В результате своих исследований он пришел к заключению о несостоятельности сложившихся в западной теории подходов и концепций к феномену этнического многообразия. «Вместо непосредственной защиты непонятных групп их представители и культурные меньшинства должны защищаться опосредованным путем через гарантирование их основных гражданских и политических прав безотносительно особенностей самих групп... Когда такие права защищены, полагают либералы, для представителей особых этнических и национальных меньшинств не требуется никаких дополнительных мер защиты» [Kymlicka, 1995, p. 3]. Корень же проблемы автор видит как раз в том, что «сегодня этнические группы, как и многие другие ранее дискриминируемые группы (женщины, геи, инвалиды), требуют уже большего, чем известные *индивидуальные права*. Они хотят не только общегражданских прав, но также особых прав, которые позволили бы признать и принять их особые этнокультурные практики и идентичности» [Kymlicka, 2004, p. 62]. Однако к подобным требованиям ни политики, ни научное сообщество оказались не готовы, так как «в странах, в которых зародилась либеральная теория – Великобритания, Франция и Соединенные Штаты, – права меньшинств полностью игнорировались или к ним относились как к курьезу или аномалии... *Теперь, однако, совершенно ясно, что проблема прав меньшинств становится центральной для будущего либеральной традиции во всем мире*» [Kymlicka, 1995, p. 194]. По мнению Кимлики, «существуют по крайней мере три вида особых прав для рассматриваемых групп: 1) право на самоуправление, 2) полиэтнические права и 3) право на собственное представительство» [Kymlicka, 1995, p. 27]. Для понимания позиции автора в этом вопросе необходимо учитывать одно существенное дополнение: «Коллективные права могут содействовать развитию либерально-демократических ценностей при двух условиях: они должны защищать или продвигать равенство между группами, но не угнетение одной из них какой-либо другой, и они должны уважать свободу индивидов в каждой группе, а не допускать угнетение группами своих членов путем ограничения их базовых гражданских и политических прав» [Kymlicka, 2004, p. 70].

Среди объектов особых прав Кимлика предложил различать «*национальные меньшинства* (особые и потенциально самоуправляемые общества, включенные в более крупное государство) и *этнические группы* (иммигрантов, покинувших свою национальную общность, чтобы включиться в другое общество)». Затем в предлагаемый перечень субъектов

были также включены религиозные меньшинства, общности *sui generis* (например, афроамериканцы, цыгане, русские в бывшем СССР и т.д.) [Kymlicka, Norman, 2000, p. 18–19]. Несмотря на достаточно разнородный состав, все отмеченные общности, как полагает автор, не должны смешиваться с «общностями другого рода, известными как “новые социальные движения”, т.е. ассоциаций и движений геев, женщин, бедных, инвалидов – т.е. всех тех, кто был маргинализован своим собственным сообществом или этнической группой» [Kymlicka, 2004, p. 6]. Рассматривая вопрос о природе особенностей национальных меньшинств и этнических общностей, этот исследователь решил его следующим образом: «Реальным основанием социальной общности, я полагаю, являются не *общеразделяемые ценности, а принятая идентичность*... То, что удерживает вместе американцев, несмотря на их разногласия по поводу представлений о хорошей жизни, является фактом их принятия идентичности американцев. Как раз, напротив, то, что заставляет шведов и норвежцев держаться порознь, невзирая на общеразделяемые принципы справедливости, – это отсутствие общей идентичности» [Kymlicka, 2004, p. 173]. По мысли Кимлика, «в государстве с одной нацией единая идентичность обычно – результат общности языка, культуры и, может быть, религии. В других странах, таких, как Соединенные Штаты, основанием для общей идентичности представляется чувство гордости за некоторые исторические достижения (включая образование Американской республики)» [Kymlicka, 2004, p. 173].

Наличие у национальных меньшинств и этнических, по Кимлике, групп общепринятой идентичности является главной причиной необходимости признания их особых прав даже в рамках федеративного государства. Как полагал автор, для достижения намеченной цели – «избежать в Канаде дезинтеграционного влияния национализма меньшинств... необходимо сломать связь между нацией и государством, чтобы бросить вызов предубеждению, согласно которому только *независимое государство является наилучшей формой национального самоуправления*» [Kymlicka, 2004, p. 132]. Практическую роль в решении поставленных задач этот автор был склонен отводить политике мультикультурализма: «Только мультикультурализм сможет предотвратить сецессию» [Kymlicka, 2004, p. 154]. Но он не закрывает глаза на то обстоятельство, что «фактически мультикультурализм является особым вариантом государственного проекта нациестроительства... и политика нациестроительства препятствует иммигрантам создавать особые сообщества в их новых странах или создания властных органов самоуправления» [Kymlicka, 2004, p. 29, 31].

Таким образом, основной пафос работ У. Кимлика был направлен на обоснование необходимости признания коллективных прав национальных меньшинств и этнических общностей. Он смог показать особое значение выделенных им общностей и роль политики мультикультурализма в урегулировании некоторых вопросов, возникающих в отношениях с ними. Однако Кимлика парадоксальным образом обосновывает свои предложения на основе концепта *идентичность*, подобно тому, как это делают его оппоненты, например Д. Холлинджер. Напомню, что и последний, будучи противником признания значимости этнического фактора, все же использовал сам термин *этнос* (этническая культура). Подобное совпадение позиций двух полемизирующих между собой специалистов показывает, что на самом деле различия между представлениями этих, казалось бы, совершенно разных политических философов не столь глубоки. Причину такой двусмысленной ситуации отчасти объяснила М. Канован: «*Каждая версия либерализма содержит изъян в своем центре, где должна находиться теория власти, и в каждом случае нация тайком протаскивается для того, чтобы восполнить этот пробел...*» [Канован, 2007, с. 90]. Только теперь предложенный ею вывод должен быть еще распространен и на явный изъян в теоретическом осмыслении явления *этнуса / этничности*. В этом отношении вообще очень показательна ситуация с принятием политики мультикультурализма в Канаде. Как показал сам Кимлика, «многие уже пытались раскрыть реальные намерения лиц, ответственных за принятие решений, которые

впервые приняли политику [мультикультурализма] в 1971 г. Но они зашли в тупик. Теперь мы знаем, что *в основе этой политики не было никакой более-менее разработанной теории*» [Kymlicka, 2004, p. 40].

Однако лишь благодаря указанному обстоятельству одни и те же термины – обозначения этничности можно использовать, как и концепт нации, для обоснования даже противоречащих друг другу идей и подходов. Но не стоит обольщаться подобной терминологической «гибкостью». Как показала в свое время К. Мудли, к сожалению, плата за подобную неопределенность слишком высока, поскольку «использование определения “этнический” в отношении всех культурных субгрупп, включая доминирующий этникс, нарушает культурную иерархию и переопределяет этничность до тех пор, пока она не утратит всякий смысл» [Moodley, 1983, p. 320]. Поэтому совершенно не удивительно, что позднее, проанализировав опыт мультикультурализма не только в Северной Америке, но и в некоторых странах Западной Европы, У. Кимлика пришел к более пессимистическому заключению: «А в действительности национализм меньшинств скорее укрепляется, чем ослабевает, по мере того, как западные государства становятся более демократическими, процветающими и глобализованными» [Kymlicka, 2009, p. 51]. Впрочем, удивляться тут особенно не приходится, так как еще ранее Д. Ситрин предупреждал: «...элиты привержены мультикультурализму, а упрямая публика поддерживает ассимиляцию и национальную идентичность» [цит. по: Хантингтон, 2004, с. 163].

Итак, проделанный анализ основных концептов, связанных с проблемой этнокультурного многообразия – толерантность, идентичность, мультикультурализм, этничность, – позволил установить их привязанность к определенным историческим и социально-политическим контекстам, к некоторым базовым исследовательским принципам и категориям. Вполне очевидно, что именно *методологический индивидуализм* становится первым камнем преткновения для любого представителя либеральной школы, обращающегося к рассматриваемым проблемам. Не случайно Д. Голдберг отмечал: «Что объединяет либералов, несмотря на их глубокие различия, так это базовый набор генеральных идей... когда-то принятых в качестве исходных установок и идеалов. Либерализм ориентирован на индивидуализм, так как он принимает превосходство основных моральных, политических и правовых требований индивида над соответствующими запросами коллектива... признаваемое всеми либералами, эгалитарное ядро предполагает *признание существования неких общих моральных стандартов, безотносительных к особенностям индивида*» [Goldberg, 1993, p. 5; cit. op: Maskey, 1999, p. 157–158].

Неудивительно, что сама постановка У. Кимликой и некоторыми другими авторами вопроса о необходимости признания коллективных прав национальных меньшинств / этнических общностей явилась серьезным испытанием для западной либеральной теории. Она слишком травматично пережила осмысление драматических уроков 1930–1940-х годов, когда идея защиты прав «малых» наций и интересов «самого передового класса» обернулась кошмаром *коллективной ответственности*. В силу всех этих причин внедрение в западную науку идеи этничности сопровождалось стремлением всячески избежать *эссенциалистских* ее трактовок. Как отмечает, например, Т. Модуд, подобная установка стала основным содержанием дебатов по поводу идентичности. В качестве своей альтернативы британские исследователи предложили также положения о *гибридности и новой идентичности* [Modood, 2000, p. 177]. В сложившейся ситуации проявления новых вызовов и другие теоретики, наряду с Д. Холлинджером, в том числе и коммунитаристского направления, стали отстаивать мысль о том, что либеральное уважение к индивидам и их правам означает уважение к *национальным идентичностям*, которые ценятся такими индивидами [Tamir, 1993 и др.].

Можно предполагать, что акцент на культурную составляющую различных сторон социально-политической реальности, тесно связанный с культурными идентичностями,

явился еще одним способом уйти от *эссенциалистской этничности*. Однако и мультикультурализм, выходящий за рамки политики идентичности и готовый обсуждать проблемы этнического порядка, вызывает у некоторых авторов чувство обеспокоенности. Подобные страхи выносятся на обсуждения, невзирая на то, что некоторые проницательные авторы уже отметили: «Западный культурный проект старается выстроить культурную гегемонию, не прибегая к культурной гомогенизации... у нас может быть много культур, но только один проект» [Maskey, 1999, p. 167].

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство, имплицитно влияющее на определенное восприятие и оценку этнических явлений, наряду с идеями индивидуализма, приверженности мультикультурализму и идентичности, присущими либеральному обществу. Как отмечали ряд авторов, в том числе известный американский социолог Н. Глейзер и его коллеги, существует важное различие между странами Старого и Нового Света. По их мнению, первые представляли собой в большей степени «федерации народов» («укорененных наций»), в то время как другие были образованы «рассеянными, смешанными и ассимилированными сообществами иммигрантов» [Glazer, 1983, p. 27; Walzer, 1982, p. 9]. Можно вполне обоснованно констатировать, что различия подобного рода получили осмысление и в рамках *концепций этноса* (российский вариант) и *этничности* (западный). Конечно, за прошедшее время развитие новых возможностей коммуникации и массовые миграционные потоки внесли свои коррективы в подобные представления. Идеи «пилгримажа» и «креолизации» (Б. Андерсон) оказали большое влияние на современные представления. В первую очередь была переосмыслена и фактически отвергнута теория этноса, основанная на представлении об этносе как общности людей со сходной культурой. Но в любом случае, нельзя отрицать, что идеи идентичности, мультикультурализма и этничности возникли в определенных *социально-политических контекстах*, характерных для постиндустриальных, высокоурбанизированных либеральных обществ. Однако на настоящий момент существует и другая реальность *традиционных, аграрных, догоняющих, индустриальных, реформируемых обществ*, которая должна быть учтена при попытках использования идей и представлений из другой сферы. В этом смысле отвергаемая теория этноса, особенно в варианте С.М. Широкогорова, более соответствует подобным социально-политическим контекстам, как и получившая уже признание концепция постколониализма.

Таким образом, современное состояние науки, связанной с исследованием проблемы «этнокультурного разнообразия», характеризуется доминированием в ней идей этничности / идентичности. Однако формирование данных основополагающих концептов в рамках либеральной традиции неизбежно привело к их фокусировке на уровне отдельного индивида. Подобный подход вполне правомерен в случае анализа ситуации в странах с развитой демократией, которая еще не определяет весь глобальный контекст. Поэтому нам нужны альтернативные подходы и концепции для работы в других социально-политических контекстах. Одной из таких реальных альтернатив и являлась отечественная теория этноса, однако я менее всего хотел бы призвать к всеобщему ее признанию. Сначала мы должны обратить внимание на важный в концептуальном отношении призыв Н. Фергюсона к учету *сложности* рассматриваемых нами социально-политических явлений [Ferguson, 2010]. Этнический феномен относится, безусловно, к уровню подобного класса, поэтому его нельзя свести к отдельным его компонентам. Ни уровень автономных индивидов, ни их идентичности, ни культурная сфера как таковая не могут исчерпать всего содержания проблем, связанных с изучением этнических феноменов. Вполне очевидно, что *этнический феномен* имеет как минимум два основных уровня репрезентации: *отдельные индивиды и образуемые ими сообщества*. Существующие варианты теории этноса и концепций этничности не обладают необходимым потенциалом для охвата рассматриваемого явления во всей его сложной организации и многообразии конкретных проявлений. В силу этой принципиальной сложности

этнического явления при его исследовании ведущее значение приобретает не *противопоставление* разных подходов, принципов и школ, но их обоснованная интеграция на основе *принципа дополнительности*. Готова ли уже мировая и, в первую очередь, западная наука признать альтернативные подходы и концепции к проблеме «этнокультурного», но точнее, все же этнического многообразия? Вопрос далеко не праздный, так как противостояние в понимании этнического феномена может спровоцировать новые конфликты, подобные косовскому, абхазскому и южноосетинскому.

Список литературы

- Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. – Казань, 2002. – № 3. – С. 61–115.
- Канован М.* Меч веры и щит страха: Либерализм и сила нации / Пер. с англ. А. Смирнова // *Логос*. – М., 2007. – № 1 (58). – С. 84–102.
- Коллинз Р.* «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // *Логос*. – М., 2005. – № 1. – С. 19–64.
- Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. – Казань, 2002. – № 2. – С. 55–90.
- Тернборн Г.* Мультикультурные общества // *Социологическое обозрение*. – М., 2001. – Т. 1, № 1. – С. 50–67.
- Хантингтон С.* Кто мы? – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
- Barth F.* Introduction // *Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference* / F. Bart (ed.). – Oslo: Universitets-forlaget, 1969. – P. 9–38.
- Cashmore E.* Dictionary of race and ethnic relations. – 4th ed. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 412 p.
- Day R.* Multiculturalism and the history of Canadian Diversity. – Toronto; Buffalo: Univ. of Toronto press, 2000. – 288 p.
- Eriksen T.* Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives. – L.; Chicago: Pluto press, 1999. – 179 p.
- Fenton S.* Ethnicity. – Cambridge; Maiden: Polity press, 2010. – 220 p.
- Ferguson N.* Complexity and collapse. Empires on the edge of Chaos // *Foreign affairs*. – 2010. – March/April. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com>
- Guibernau M.* The identity of nations. – Cambridge; Maiden: Polity press, 2008. – 235 p.
- Glazer N.* Ethnic dilemma, 1964–1982. – Cambridge, Mass.: Harvard univ. press, 1983. – 359 p.
- Gurtov M.* Global politics in the human interest. – Boulder; L.: Lynne Reinner publishers, 1991. – 271 p.
- Jenkins R.* Rethinking ethnicity. – L.: SAGE publications, 2008. – 224 p.
- Hale H.* The Foundations of ethnic politics. Separatism of states and nations in Eurasia and the world. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 278 p.
- Henkin L.* The age of rights. – N.Y.: Columbia univ. press, 1990. – 220 p.
- Hollinger D.* Post-ethnic America: Beyond multiculturalism. – N.Y.: Basic Books, 2005. – 312 p.
- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkley: Univ. of California press, 1985. – 290 p.
- Ignatieff M.* Human rights as politics and idolarity. – Princeton: Princeton univ. press, 2003. – 174 p.
- Kymlicka W.* Finding our way. Rethinking ethnocultural relations in Canada. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 220 p.
- Kymlicka W.* Multinational citizenship. – Oxford: Clarendon press, 1995. – 280 p.

Kymlicka W. Politics in Vernacular. Nationalism, multiculturalism and citizenship. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 392 p.

Kymlicka W., Norman W. Citizenship in culturally diverse societies: Issues, contexts, concepts // *Citizenship in diverse societies* / W. Kymlicka, W. Norman (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – P. 1–44.

Kymlicka W. Multi-nation federalism // *Federalism in Asia* / B. He, B. Calligan, T. Inoguchi (eds.). – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2009. – P. 57–81.

Mackey E. The house of difference. Cultural politics and national identity in Canada. – L.; N.Y.: Routledge, 1999. – 151 p.

Maclure J. Quebec identity. The challenge of multiculturalism. – McGill: Queen univ. press, 2003. – 126 p.

Moodley K. Canadian multiculturalism as ideology // *Ethnic and racial Studies*. – L., 1983. – Vol. 6, N 3. – P. 320–331.

Remnick R.A. Theory of ethnicity. An anthropological perspective. – N.Y.; L.: Lanham, 1983. – 67 p.

Rothschild J. Ethnopolitics: A conceptual framework. – N.Y.: Columbia univ. press, 1981. – 290 p.

Sandel M. Liberalism and the limits of justice. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1982. – 254 p.

Tamir Y. Liberal nationalism. – Princeton, N.Y.: Princeton univ. press, 1993. – 206 p.

Taylor Ch. The politics of recognition // *Multiculturalism and the «Politics of recognition»* / A. Gutmann (ed.). – Princeton, N.Y.: Princeton univ. press, 1992. – P. 25–73.

Walzer M. Pluralism in political perspective // *The politics of ethnicity* / M. Walzer (ed.). – Cambridge, Mass.: Harvard univ. press, 1982. – P. 1–28.

Young I.M. Polity and group difference: A critique of the ideal of universal citizenship // *Ethics*. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1989. – Vol. 99. – P. 257–258.

ЭТНОПОЛИТОЛОГИЯ В РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Ю.П. ШАБАЕВ

Россия как страна со сложным этническим составом населения, сильными традициями политизации этничности и ее огосударствления, безусловно, нуждается в серьезном осмыслении политического ресурса этничности. Более того, казалось бы, особенности развития общественных наук в стране логически вели к тому, чтобы еще в СССР сформировалась национальная школа этнополитологии.

Политизация этнографии / этнологии началась еще в первые годы советской власти, когда большевики взяли на вооружение доктрину этнического национализма [Тишков, 1993] и приступили к формированию в стране этнической федерации [Филиппов, 2003]. В советской версии этнополитики произошло совмещение политических и этнических принципов организации общества, а потому термин «национальность» (nationality), который в других странах означает лишь гражданство, стал в СССР синонимом этнической принадлежности. Политизация культурных различий превратилась в важное направление внутренней политики, и потому, когда в 1932 г. был введен внутренний гражданский паспорт, графа «национальность» стала в нем обязательной, а фиксация этнической принадлежности гражданина осуществлялась согласно инструкции, суть которой сводилась к принудительному и пожизненному навязыванию этничности (национальности).

Казалось, что использование этничности в качестве политического инструмента, последовательная линия на определение «границ» между этническими сообществами, выраженная в стремлении к национально-государственному «размежеванию», приведут к возникновению потребности и в научном обеспечении этнополитики, но этого не произошло. Только крах советского «этнического федерализма» [Филиппов, 2003] привел к возникновению такой научной дисциплины, как этнополитология, и не случайно сам термин «этнополитология» вошел в лексикон отечественных обществоведов с начала 1990-х годов. Сформировалась же дисциплина лишь к концу последнего десятилетия XX в., когда в общих чертах стали ясны и ее предметные рамки, и ее предназначение.

Актуальная проблематика дисциплины, включающая концептуальные положения и теоретические новации о природе феномена этничности, анализ основ устройства многоэтнических государств, государственного устройства России, рассмотрение стратегии и механизмов национальной политики (этнополитики) весьма подробно рассмотрены в двух изданиях книги В.А. Тишкова [Тишков, 2001; 2005]. Сформировавшиеся на сегодняшний день методы и приемы этнополитологического анализа, модели этнополитики и ее значение проанализированы в совместном труде автора данного материала и В.А. Тишкова [Тишков, Шабает, 2010], а специфика развития российской этнополитологии рассмотрена в нашей более ранней работе [Шабает, 2008]. Важную роль в становлении этнополитологии сыграло включение соответствующих учебных курсов в программы подготовки студентов-политологов. На наш взгляд, будет интересно проанализировать становление этнополитологии как учебной дисциплины, ибо таковая не только отражает степень теоретического обобщения проблем данной научной отрасли, суммирует опыт исследований, но ее состояние служит индикатором общего понимания целей и задач этнополитологии в современном обществе и степени ее востребованности в общественной практике. По большому счету, анализ учебной дисциплины дает основания говорить не столько о текущем состоянии данной отрасли науки, сколько о перспективах ее развития. В нашем случае рассмотрение этнополитологии как учебной дисциплины, помимо всего прочего, позволяет отчасти указать и на степень

научной обоснованности отечественной национальной политики / этнополитики, и на проблемные сферы этнополитологического анализа. В данном обзоре мы сознательно ограничиваемся временным отрезком, который охватывает два последних десятилетия, ибо именно в это время, на наш взгляд, этнополитология как научная дисциплина получила признание и оформилась в самостоятельную дисциплину.

Предмет этнополитологии и модели учебного курса

Надо отдать должное российскому экспертному сообществу, которое вовремя осознало как необходимость серьезного этнополитологического анализа российских реалий, так и необходимость этнополитического образования. Очевидная потребность в системном изложении этнополитологических знаний, в критическом освещении проблем этнополитики, проявившаяся на рубеже 1980–1990-х годов, привела к активизации усилий ученых, направленных на познание этнополитических процессов. Эти усилия способствовали также и тому, что отечественные исследователи стали обобщать накопленный опыт и предлагать различные варианты учебного курса этнополитологии, первый из которых был апробирован в Московском государственном университете. Можно, конечно, отдать первенство во внедрении основ этнополитологии в учебный процесс и Санкт-Петербургскому университету, поскольку там еще в 1995 г. на кафедре культурной антропологии и этнической социологии (создана в 1993 г.) в рамках курса социальной антропологии в качестве спецкурса по выбору начала преподаваться политическая антропология, которая с 1997 г. стала обязательным предметом, но все же и объект, и предметная область политической антропологии у́же, нежели этнополитологии (этнополитология тоже преподается ныне в Санкт-Петербургском университете).

Согласно определению, которое приведено в одном из известных социологических словарей, «политическая антропология (*political anthropology*) – часть социальной антропологии, изучающая *политический процесс* и политические учреждения в *простых обществах*» [Джерри, 1999, с. 39]. Эти общества называют еще сегментированными и безгосударственными. Несомненно, что такие общества требуют изучения, и оно должно составлять особую область научного знания в силу самой специфичности объекта изучения.

Этнополитология не может рассматриваться ни как часть социально-культурной антропологии или этнологии, ни как особая предметная область политологии. В самом общем плане социальная / культурная антропология и этнология имеют один и тот же предмет изучения – этнические культуры [Арутюнов, Рыжакова, 2004], хотя в российской традиции, например, принято считать, что этнология изучает этносы во всем многообразии проявлений их культурной и общественной жизни и под этносами понимает любые культурные сообщества, а западная социальная антропология вообще не использует категорию «этнос» и сосредоточивает внимание, в основном, на изучении социальной организации доиндустриальных обществ, культурная же антропология изучает культуры этих сообществ, деятельностный аспект культуры. Сегодня предметная область социальной / культурной антропологии существенно расширилась и разница между западными и отечественными подходами стала менее существенной.

Что касается политологии, то ее предметная область, как известно, связана с изучением политической жизни, определением форм, задач, типов, видов политической деятельности.

Политические сообщества, институты и этнические группы по-разному организованы, и функции этих сообществ различны. Поэтому очевидно, что этнополитология как дисциплина носит пограничный характер, и целью этнополитологов является выяснение того, где и как этничность «пересекается» с политикой, каковы формы политизации этничности.

Среди отечественных авторов нет единого мнения по поводу предмета этнополитологии.

В предмет этнополитологии пытаются включить и юридическую антропологию, и политическую философию, и историческую этнологию, и предметные области других дисциплин.

На наш взгляд, предметом этнополитологии являются источники, побудительные мотивы и закономерности формирования этнонациональной политики, формы и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений, этнополитические ориентации населения и формы их практических выражений.

Более коротко предмет этнополитологии – изучение политических функций этничности, условий и стимулов, которые превращают этничность в политический ресурс.

Помимо разной трактовки предмета этнополитологии, теоретики этнополитологии имеют и существенные различия в моделях построения курса.

Мы полагаем, что в принципе все предлагаемые учебники, учебные пособия и электронные версии курса можно свести к двум конкурирующим моделям.

Первая модель целиком строится на основе дискурса *этничность и национализм*. При этом сторонники данного подхода полагают, что этничность носит «устойчивый, надситуационный характер», хотя такой характер, по идее, должен ограничивать возможности политического манипулирования этничностью. В этом ключе написаны учебники В. Ачкасова, Р. Абдудатипова, В. Тураева, В. Кирдяшова [Абдулатипов, 2004; Тураев, 2004; Ачкасов, 2005; Кирдяшов, 2004].

Вторая модель основывается на представлении этничности в качестве специфического политического ресурса, а общая парадигма курса строится, исходя из понимания этничности как социального конструкта, что позволяет «встраивать» этничность в самые разные сферы политической жизни. В таком ключе построена также целая группа учебников и учебных курсов [Мухаметшина, 2005; Шабаев, 2005; Тишков, Шабаев, 2010].

Сторонники первой модели, так или иначе, настаивают на том, что этничность служит *основанием* для получения власти, обретения политического статуса этнической группой; сторонники второй полагают, что этничность есть лишь *инструмент*, с помощью которого обретается власть, ведется борьба за ресурсы и осуществляется культурная конкуренция.

Рассматривая этничность как одно из константных и первичных состояний социальных систем, приверженцы подобного подхода полагают, что такое видение этничности требует усиленного государственного вмешательства в дела этнических групп, государственного патронажа над этническими сообществами. Но если этничность столь органична и устойчива, как ее пытаются представить, то тогда непонятно, зачем необходима массивная государственная поддержка этничности: придание государственного статуса языкам титульных этнических групп, этнизация системы школьного образования, государственная поддержка культур меньшинств, создание гарантий их политического представительства.

Здесь имеется явное логическое противоречие, которое указывает, что этничность нуждается в государственной поддержке именно потому, что сама по себе неустойчива и без мощных «подпорок» со стороны государства часто существовать не может. Собственно и сам опыт национально-государственного строительства в России показывает, что этничность может весьма успешно конструироваться с помощью государства. Молдавская, азербайджанская, казахская, алтайская и многие другие идентичности создавались, по существу, «сверху» – с помощью государства. Государство создавало для творимых им же этнических общностей и административные границы, и культурные институты, и сами этнонимы, т.е. названия этнических сообществ.

Различия в теоретических подходах к построению курса этнополитологии во многом отражают ситуацию, которая характерна как для отечественной этнополитологии, так и для

отечественного гуманитарного знания в целом. А именно: в России до сих пор чрезвычайно сильно влияние примордиалистских (эссенциалистских, натурфилософских) подходов к пониманию природы социальных явлений, включая этничность.

Если на Западе «сдвиг к инструментализму / конструктивизму произошел после 60-х годов», то, как замечает японский исследователь Т. Уяма, «советская наука этногенеза была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным» [Уяма, 2003, с. 42–43]. Это означает, что примордиалистский подход к пониманию природы этничности продолжает доминировать, причем его разделяют сегодня уже не столько собственно этнологи, сколько многие историки, политологи, социологи, философы, лингвисты, которые в своих трудах так или иначе затрагивают проблемы этничности, национализма и культурных прав.

Концептуальные различия курсов «этнополитологии», конечно, сказались на выборе авторами ключевых проблем *этнополитологического дискурса*. Но все авторы уделяют значительное внимание раскрытию таких тем, как этничность и власть, этничность и государство, этничность и право. Основательно анализируются принципы этнонациональной политики, которыми руководствуются российские власти; рассматриваются политические практики этнонациональных движений в России.

Этнополитологию называют «новой» и «молодой» научной и учебной дисциплиной, подчеркивая, что ее возникновение спровоцировано так называемым «этническим парадоксом современности», «взрывом этничности», суть которых состоит в том, что в условиях глобализирующегося мира происходит актуализация этничности. Но многие отечественные исследователи связывают становление этнополитологии как дисциплины с колониальной экспансией мировых держав в Новое время. Корифеи социальной антропологии К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард отмечали необходимость изучения механизмов управления в туземных обществах, актуальность познания особенностей политических систем, сформировавшихся в колониальных странах еще до прихода туда европейцев. Британский антрополог Э. Тейлор оценивал антропологию как «политическую науку», а его соотечественник Н. Томас впервые использовал антропологические материалы в 1908 г. для организации так называемого «косвенного» управления британскими владениями в Нигерии. В ряде британских колониальных владений даже была введена должность правительственного антрополога [Ярская-Смирнова, Романов, 2004].

Особая роль в формировании этнополитологии принадлежит не социальным антропологам и этнологам, а политическим идеологам. В числе первых этнополитических концепций, вероятно, следует назвать идею национально-культурной автономии, разработанную австрийскими социал-демократами О. Бауэром и К. Реннером еще в начале XX столетия [Бауэр, 2002]. Некоторые современные исследователи полагают, что именно в их работах впервые был создан концепт мультинации, который в последней трети XX в. стал основой этнонациональной политики в целом ряде развитых демократических государств. На наш взгляд, наиболее важную роль в становлении этнополитологии как науки сыграли масштабные политические перемены, которые стали итогом двух мировых войн, но не меньшее влияние на становление науки оказали процессы нацистроительства в бывших колониях и массовые миграции, которые во второй половине XX в. существенно изменили культурный облик многих стран.

Первая же серьезная попытка дать систематизированное представление об этнополитике и изложить некие принципы этнополитологии была сделана американским политологом Дж. Ротшильдом, который в 1981 г. опубликовал книгу «Этнополитика», хотя в числе основоположников называют и много других имен.

Он в общем виде описал процесс политизации этничности. В его понимании, суть этого процесса состоит в превращения этничности из сугубо психологического, культур-

ного или социального фактора «в собственно *политическую силу* с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [Rothschild, 1981, p. 2].

В названной работе, которая стала своеобразным рубежом в процессе кристаллизации этнополитологических воззрений, Родшильд предложил свою типологию полиэтничных государств, показал роль статуса этнической группы во внутривнутриполитической жизни страны, указал, что происходящие в обществе изменения привели к политизации этнических групп и этничности, ввел эти понятия в политологический дискурс. В результате понятие этничности превратилось из сугубо культурологического в политическое, а на стыке этнологии и политологии сформировалась этнополитология.

Сущность дисциплины

Наиболее основательные отечественные курсы по этнополитологии строятся, исходя из высказанной Ротшильдом идеи о конвертации такого культурного явления, как этничность, в политическую силу. При этом значительная часть этнополитологов согласны, что этнополитология – это не столько теоретическая дисциплина, сколько прикладная, а потому ее методы ориентированы на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий.

В связи с этим, вероятно, следует признать важнейшей целью данной научной дисциплины не изучение деятельности государства и «правлящих центральных и региональных элит», связанной «с участием в этнополитических процессах» [Ачкасов, 2005, с. 5], не анализ форм «политического самоопределения, поведения, взаимодействия этнических групп» [Кирдяшов, 2004, с. 8] и не процесс «политической социализации этносов» [Абдулатипов, 2004, с. 16], а, в первую очередь, решение принципиального вопроса о *пределах политизации этничности* в общегражданском пространстве современного национального государства.

Главный смысл определения пределов политизации состоит в том, чтобы проанализировать этничность как *политический ресурс*. При этом этничность может рассматриваться как ресурс общегосударственного значения, когда политиками берется на вооружение концепция нации-этноса, а не нации-полиса; как региональный политический ресурс, когда ведется борьба за политический статус этнической группы, отстаивается ее особое положение в территориальном сообществе; или локальный и индивидуальный политический ресурс, когда этнополитическая организация на местном уровне борется за политическое влияние и когда в конкурентной политической борьбе этническая принадлежность кандидатов на оспариваемые должности приобретает значение политического маркера.

Одной из ключевых проблем современной этнополитики специалисты называют проблему меньшинств. Однако есть основания полагать, что нет проблемы меньшинств, а есть неправильное понимание многими специалистами политической роли меньшинств. Не сами меньшинства создают угрозы социальной стабильности, а этнические антрепренеры, которые политизируют проблемы меньшинства.

Опасность представляет ситуация, когда культурное меньшинство превращается в политическое меньшинство, т.е. когда оно обретает некий политический статус и получает право претендовать на политическое доминирование, распределение ресурсов, когда возникает ситуация политического противостояния с государством и другими группами. В этом смысле весьма показательна ситуация в Индии, которая отличается огромным разнообразием культур, сложным этническим и религиозным составом населения, а также вполне очевидными и нередко болезненными проявлениями местных национализмов. Этот факт явился поводом для многочисленных пророчеств о неизбежном распаде Индии как единого государ-

ства. Но государственное единство страны выдержало все испытания во многом потому, что сильное государство необходимо как гарант интересов многочисленных этнических меньшинств.

Материал, который приводится в качестве иллюстрации в учебных курсах по этнополитологии, достаточно очевидно демонстрирует опасность политизации этничности и ее разрушительную силу. Поэтому актуальной проблемой этнонациональной политики в России и в мире является *деполитизация этничности*. Такой подход диктует необходимость отдельно рассмотреть вопросы, связанные с неполитическими формами реализации этнонациональной политики. К таким сферам мы относим систему школьного образования, культурные институты, социальную рекламу и СМИ. Идея деполитизации этничности является существенно значимой при анализе правовых аспектов этнополитики. Здесь главное значение имеет рассмотрение политического смысла концепта групповых прав («прав этносов»).

Многие специалисты не видят позитивного начала в идее коллективных прав и в легитимации этой идеи путем ее юридического оформления, так как коллективное право следует логике этноцентризма. Правовая система может основываться только на признании прав личности, и все «коллективные права» неизбежно сводятся к индивидуальным, а «девальвация» индивидуальных прав выгодна только этническим элитам, которые и присваивают себе роль выразителя коллективных интересов этнических групп.

Закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой *субъект права*. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, так как границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтничных (миграционных) государствах имеют множественную идентичность (т.е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским и евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т.д.) или же вообще не характеризуют себя с помощью этнических категорий, а называют себя американцем, россиянином, т.е. для них существует только гражданская идентичность.

При этом стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» [Осипов, 2004, с. 443].

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а неких групп лидеров, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Не следует думать, что попытки политизации этничности, которые были особенно ощутимы в политической практике России в 1990-е годы, исчерпали себя, а общегражданские идеалы и ценности стали безусловным приоритетом для отечественных политиков. Этничность продолжает использоваться как политический ресурс, и особую роль здесь играют как обычное морализаторство, так и попытки представить такие культурные явления, как язык и религия, в качестве идеологии, равно и откровенная спекуляция культурными правами, рассматриваемыми исключительно как групповые права. В этом смысле довольно уместной является модель «этнополитического маятника», предложенная для объяснения отечественных этнополитических реалий Эмилем Паиным [Паин, 2009, с. 32–34].

Проблемы развития учебной дисциплины

Наличие разноплановых учебников по этнополитологии есть важное и наиболее значимое свидетельство того, что данная дисциплина активно внедряется в учебный процесс. Если проанализировать сайты отечественных высших учебных заведений, и прежде всего университетские сайты, то на многих из них можно найти указание, что среди гуманитарных дисциплин, которые преподаются в вузе, числится и этнополитология. Еще несколько лет назад акцент на наличие в учебных программах этнополитологии не делался, и представляется, что произошедшие изменения весьма показательны. Впрочем, важно также заметить, что значительное количество российских ученых, занимающихся этнополитологической проблематикой, являются преподавателями вузов, а те немногие научные центры, которые систематически обращаются к анализу этнополитики, тесно взаимодействуют с вузовской наукой. Так, Центр независимых социологических исследований тесно координирует свою работу с Европейским университетом (С. – Петербург), Центр этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН взаимодействует с московскими вузами. Те или иные связи с вузами имеют и сотрудники Центра этнополитических и региональных исследований (Москва), Центра этнологических исследований Института истории АН РТ (Казань).

Тесная связь между вузовской и академической наукой не есть, однако, гарантия полного признания статуса этнополитологии как дисциплины.

Во-первых, до сих пор нет самостоятельного государственного образовательного стандарта по этнополитологии. Он включен в общий стандарт по политологии, что, на наш взгляд, не совсем верно и что, безусловно, снижает значимость (статус) столь важной дисциплины. Во-вторых, сама дисциплина все еще носит характер «периферийной», а потому либо преподается как спецпредмет / факультатив, либо не включается в число профилирующих научных дисциплин даже там, где это кажется оправданным и необходимым. К примеру, в многочисленных академиях государственной службы, функционирующих при администрациях глав субъектов РФ, этнополитологию (именно как этнополитологию, а не как приложение к другим курсам) преподают редко. Между тем в полиэтничной и поликонфессиональной стране, каковой является Россия, подготовка современных политических менеджеров вряд ли будет достаточно качественной, если они не будут обладать необходимым комплексом знаний этнологического и этнополитологического характера (это касается и работников миграционных и юридических служб, а также ряда других специалистов, вовлеченных в сферу социальной работы).

Современный статус этнополитологии влияет также и на информационное обеспечение науки вообще и учебного курса в частности. В вузах, где ведется преподавание этнополитологии, очевидно не хватает не столько учебников, сколько вспомогательного учебного материала в форме хрестоматий по этнополитологии и узкоспециализированных пособий. В качестве последних желательно было бы иметь разработки по темам «Модели этнополитики», «Этнические миграции и миграционная политика», «Языковая политика», «Практики межкультурного диалога» и др. Конечно, освоение этнополитологических знаний возможно и при самостоятельном анализе интернет-ресурсов, поскольку российские этнополитические организации создают собственные сайты и информационные центры, на которых размещается самая разнообразная информация об их деятельности. Но начинающему слушателю курса этнополитологии трудно самому ориентироваться в тех потоках этнополитической информации, которые присутствуют на информационном рынке. А учитывая тот факт, что этнические антрепренеры давно и настойчиво пытаются монополизировать право на этнополитологическое просвещение в стране и экспертный анализ этно-

политики, ориентироваться в потоках информации, затрагивающей сферу этнополитики, становится еще сложнее. Необходимость в действительно научных, а не ангажированных оценках и разработках приобретает еще большую актуальность в связи с очевидной потребностью в укреплении гражданского согласия и культуры толерантности в России.

Затрудняет возможности глубокого освоения этнополитологических знаний и еще одна проблема, которая непосредственно касается особенностей развития отечественной этнополитологии. Суть этой проблемы состоит в том, что до сих пор нет общероссийского научного этнополитологического журнала. С 2008 г. начал издаваться журнал «Вестник российской нации», в 2009 г. после 16-летнего перерыва возобновлено издание журнала «Этнополис». Но оба названных издания можно расценивать скорее как политические проекты, но не как академические периодические издания, призванные вести дискуссии об актуальных проблемах развития названной дисциплины. Полтора десятка лет выходил в свет Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в котором обсуждаются проблемы государственной национальной политики в целом и этнополитические проблемы различных российских регионов, но и он из-за финансовых сложностей перестал выходить регулярно, а кроме того, названный бюллетень хотя и востребован, но также не имеет статуса общероссийского журнала и может скорее рассматриваться как добротное, но «узкоцеховое» издание.

При этом важно заметить, что внимание к освещению проблем этнополитики в мире в последние годы все более усиливается под воздействием процессов политической модернизации и культурной глобализации. Это привело к учреждению целой серии периодических изданий, посвященных этнополитике: североамериканских журналов «*Nationalities Papers*» (с 1977 г.), «*Canadian Review of Studies in Nationalism*» (1973), международного журнала «*Ethnic and Racial Studies*» (1978), европейских научных журналов «*Nations & Nationalism*» (1995), «*Nationalism & Ethnic Politics*» (1995), «*National Identities*» (1995), «*Journal on Ethnopolitics and Minorities Issues in Europe*» (2001), «*Global Review of Ethnopolitics*» (2003).

Доступность всех вышеназванных изданий для российского читателя, в том числе и тех специалистов, которые непосредственно связаны с этнополитической практикой, крайне ограничена, что также требует создания «информационных площадок» для обсуждения текущих этнополитических проблем, подготовки специализированных изданий, освещающих мировой опыт регулирования отношений между государством и культурными группами.

Для подготовки самих этнополитологов и преподавателей данной дисциплины, для обобщения опыта этнополитики (особенно региональной), несомненно, важны такие формы обмена опытом, как конференции.

Несмотря на то что на многих серьезных политологических конференциях, посвященных анализу политических проблем и рассмотрению этнических и этнополитических процессов, характерных для российской действительности, этнополитологические секции и «круглые столы» стали почти обязательной частью общих научных дискуссий, в стране до сих пор не проводятся специализированные всероссийские научные симпозиумы и конференции, на которых рассматривались бы наиболее актуальные проблемы отечественной этнополитологии. При этом отдельные научные центры и исследовательские сети прилагают существенные усилия для того, чтобы осуществлять обмен научным опытом и пропагандировать результаты этнополитических исследований и разработок. Так, Центр независимых социологических исследований (С. – Петербург) в последние два года проводит серию семинаров «Этничность, миграции, национализм», целью которых является критическое рассмотрение таких понятий, как «этничность», «национализм», «мультикультурализм», «согражданство», а Сеть этнологического мониторинга уже полтора десятка лет проводит ежегодные семинары, предназначенные для обмена опытом исследовательской деятельно-

сти и обсуждения практических проблем мониторинговых исследований. Но при всей значимости подобных научных форумов, они имеют значение для довольно узкого круга специалистов.

Наконец, последнее замечание относительно преподавания этнополитологии и подготовки специалистов-этнополитологов касается того, что российская этнополитология в целом и учебные курсы этнополитологии в частности еще недостаточно широко обобщают позитивный опыт отечественной и зарубежной этнополитики, в недостаточной мере ориентированы на рассмотрение конкретных механизмов и практики этнополитики, нациестроительства, использования культурного опыта в политической и социальной модернизации. Последнее в немалой степени связано с тем, что сама этнополитика в России часто носит декларативный характер и неэффективна, особенно в плане противодействия интолерантности, расизму, этническому фаворитизму и другим негативным явлениям.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что этнополитология в России как учебная дисциплина развивается успешно. Уже вполне очевидны объект и предметная сфера данной дисциплины, ее методы и функции, создан ее теоретический фундамент. Разработаны учебные курсы и учебники, которые хотя и близки в содержательном плане, строятся на разных теоретических подходах и опираются на различный научный опыт. Сама дисциплина заняла свое место среди учебных дисциплин гуманитарного профиля, но при этом все еще остается не вполне востребованной, несмотря на очевидную ее значимость для отечественной политической практики. Такое положение учебной дисциплины, безусловно, связано с особенностями развития этнополитологии как науки. Даже некоторые специалисты продолжают называть ее «квазинаукой» [Воронков, 2009, с. 35], а политические менеджеры, признав фактически данную дисциплину принятием в 1996 г. Концепции государственной национальной политики РФ и аналогичных региональных документов (они разрабатывались при непосредственном участии ученых-этнополитологов), в практике этнополитики предпочитают действовать стихийно или ориентируясь на позиции этнических антрепренеров. Между тем на Западе, особенно после признания мультикультурализма в качестве официальной политики, научные исследования, ориентированные на оптимизацию межкультурного взаимодействия и совершенствование практики отношений государства с этническими общинами, были признаны необходимой составляющей этой политики. И, кстати, именно ученые стали первыми указывать и на пагубность некоторых принципов мультикультурализма, и на полную неэффективность практики «позитивной дискриминации», и на многие другие опасные явления.

Дальнейшее успешное развитие российской этнополитологии как учебной дисциплины и как науки будет зависеть от того, насколько она станет востребована политическим менеджментом, притом что потребность в данной дисциплине вряд ли будет подвергаться сомнению.

Список литературы

- Абдулатипов Р.Г.* Этнополология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – 313 с.
- Арутюнов С.А., Рыжакова С.И.* Культурная антропология. – М.: Весь мир, 2004. – 216 с.
- Ачкасов В.А.* Этнополология: Учебник. – СПб.: Издательство СПб. университета, 2005. – 337 с.

- Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // *Нации и национализм.* – М.: Праксис, 2002. – С. 52–120.
- Воронков В.* О политизации общественных наук // *Неприкосновенный запас.* – М., 2009. – № 1(64). – С. 33–44.
- Джери Д.* Большой толковый социологический словарь (Collins). – М.: Вече, 1999. – Т. 2. – 528 с.
- Кирдяшов В.Ф.* Этнополитология: Учебное пособие. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2004. – 168 с.
- Миськова Е.В., Мехедов Н.Л., Пименов В.В.* Этнология: Учебное пособие. – М.: Академический проект: Культура, 2005. – 624 с.
- Мухаметшина Н.С.* Этничность и политика: Учебное пособие. – Самара: Самарск. гос. арх. – строит. ун-т., 2005. – 168 с.
- Национальная политика в императорской России / Сост. Ю.И. Семенов.* – М.: Старый сад, 1998. – 368 с.
- Осипов А.В.* Национально-культурная автономия. Идеи. Решения, институты. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.
- Паин Э.А.* Об эволюции межэтнических отношений в постсоветской России: (из выступления на Алтайском форуме. Август, 2008 г.) // *Этнополис.* – М., 2009. – № 1. – С. 29–38.
- Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // *Национальная политика в Российской Федерации.* – М.: Наука, 1993. – С. 8–40.
- Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
- Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи, 1989–2004 гг. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 383 с.
- Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 321 с.
- Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. – М.: РГГУ, 2010. – 360 с.
- Тураев В.* Этнополитология: Учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 388 с.
- Уяма Т.* От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сборник статей / Под ред. К. Мацузато.* – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido university, 2003. – С. 16–51.
- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003. – 379 с.
- Шабает Ю.П.* Этнополитология в России: наука «без периферии» // *Политическая наука в России: проблемы, направления, школы, (1990–2007).* – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 145–164.
- Миськова Е.В., Мехедов Н.Л., Пименов В.В.* Этнология: Учебное пособие. – М.: Академический Проект: Культура, 2005. – 624 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная антропология. – Ростов-н/Дону: «Феникс», 2004. – 416 с.
- Rotshild J.* Ethnopolitics: A conceptual framework. – N.Y.: Columbia univ. press, 1981. – 290 p.

ЭТНИЧНОСТЬ, НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО: КОНКУРИРУЮЩИЕ ДИСКУРСЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И США: СОВРЕМЕННЫЕ СПОРЫ ²

У. САФРАН

Введение

Понятие национальной идентичности имеет множество значений. Оно указывает и на степень коллективного сходства, и на некую устойчивость, если не неизменность, коллективных характеристик. Оно служит примерно тем же целям, что и понятие «национальный характер», использовавшееся для описания нации столетия назад, и термин «политическая культура», существующий с 1960-х и считающийся более объективным. Подобно своим предшественникам, понятие национальной идентичности не отличается точностью. Оно даже не вполне соответствует реальности, ибо нация состоит из индивидов, которые обладают множественными и сложными идентичностями и имеют собственные представления об основаниях своей принадлежности к ней. Однако эти идентичности не всегда нарушают иллюзию однородности нации. В странах, о которых пойдет речь в этой статье – Франции, Германии и США, – сложились определенные представления о собственных нациях и их миссиях. Так, американская нация видится как нация, где преобладают белые, англосаксы и протестанты (WASPs) – пионеры, индивидуалисты, приверженцы идеи «сделать мир надежным для демократии». Франция, по крайней мере со времен революции 1789 г., воображала себя республикой, обладающей «цивилизаторской миссией» в культурном и политическом смысле. Германия верила, что воплощает особую и завидную сущность – нацию *Dichter und Denker* (поэтов и философов), расовая чистота которой является ценностью, которую необходимо перенять всему миру («*am deutschen Wesel soll die Welt gensen*»). Однако есть повод усомниться в этих автохарактеристиках. Недемократичное, если не сказать – нецивилизованное поведение французов при режиме Виши и, позже, в Алжире ставит под сомнение их цивилизаторские притязания. Демократический идеализм американцев запятнан многолетней поддержкой диктаторских режимов. Образ немцев омрачен продолжающимися скандалами вокруг нацистской политики истребления, в которую были вовлечены значительные сегменты населения, включая элиту, что порочит репутацию Германии как *Kulturvolk* (культурной нации).

И во Франции и в Германии Вторая мировая война остается значимым для коллективного самоопределения наций событием. Французы утверждают, что режим Виши – это «отступление от основного сюжета» истории, в действительности французы – республиканская нация, а все дурное в период этого режима совершалось немцами. Однако этот аргумент неубедителен: в конечном счете «прошлое не проходит». Немцы, со своей стороны, пытались изменить отношение к холокосту, не отрицая, но минимизируя его последствия за счет расширения круга ответственных. Они преувеличивали сопротивление немцев

² Статья подготовлена для журнала: Политическая наука. – М., 2011. – № 1: Этничность и политика. Перевод с англ. О.Ю. Малиновой.

нацизму, чтобы убедить всех, что была и «другая Германия». Все это было частью усилий по «*Vergangenheitsbewältigung*» (преодолению прошлого).

Со времени формирования современных наций-государств споры об идентичности выступали инструментом исключения этнических, расовых или религиозных меньшинств из состава нации. Эти споры подтверждают, что большинство наций-государств основаны на аскриптивных критериях, таких, как раса, родство, религия и язык, что неизбежно поднимает вопрос о степени соответствия этим критериям жителей данного государства. Поскольку нации все больше определяются в гражданских, функциональных терминах, споры об идентичности становятся реактивной операцией, «миссией спасения» и средством прояснения ситуации – ответом на современные вызовы и угрозы. В США такими угрозами в разное время были смешение рас, позднее – испанизация, социализм и другие «заимствования»; во Франции и Германии – иудаизация и исламизация. Эти страхи свидетельствуют о тенденции сведения ксенофобии к тревожности по отношению к иной религии, и это притом что большинство мусульман и евреев в этих странах не религиозны и уж тем более не фундаменталисты.

Меньшинства встраивают себя в исторические нарративы всех трех стран. В каждом случае «визуализация» меньшинств – это напоминание о прошлых завоеваниях и поражениях. Так, например, присутствие афро-германцев служит постоянным напоминанием об оккупации Германии американскими вооруженными силами, а рост числа выходцев из Магриба и Африки во Франции – следствие не только колониализма, но и потребности восполнить недостаток населения, истребленного в войнах, которые страна вела на протяжении более чем ста лет. В США количество неевропейских и нехристианских меньшинств увеличивается вследствие либерализации иммиграционной политики. Однако наглядное присутствие черных американцев служит для многих белых граждан, которые лелеют расово-гомогенный образ американской нации и остаются убежденными расистами и ксенофобами, напоминанием о былом поражении штатов, входивших в Конфедерацию.

Национальные идентичности, подобно индивидуальным, не являются ни одномерными, ни неизменными. Они меняются со временем и подвержены влияниям внешних сил. У современной Франции мало общего с Францией старого режима и еще меньше – с Францией феодального периода. Современная Америка уже не страна маленьких семейных ферм и магазинчиков на углу. Каковы современные символы американской идентичности – деревня Новой Англии, построенная переселенцами-пуританами, или плантация Юга, или ковбой с ранчо на Западе, или чикагский гангстер, или беспринципный корпоративный магнат? Чтобы разделять американскую идентичность – по известной поговорке, быть «американским, как яблочный пирог», – нужно ли пить кока-колу за обедом и любить бейсбол?

Коллективная самоидентификация американцев, т.е. их представление о том, что значит быть американцем, связана с личностными характеристиками, такими, как наличие американского гражданства, умение говорить по-английски, проживание в Америке на протяжении большей части жизни и т.д. Но она также предполагает и гордость за определенные вещи – за эффективность демократических институтов США, за влияние страны в мире и ее научные, культурные и экономические достижения (несмотря на то что белые протестанты и евреи разделяют эти убеждения в большей мере, нежели черные) [Shelton, 2010].

Непонятно, имеем ли мы здесь дело с автохарактеристиками или со стереотипами внешних наблюдателей. Структура общества каждой из трех стран существенно изменилась, особенно после Второй мировой войны, в основном, из-за иммиграции. Поначалу новые переселенцы, по большей части выходцы из неевропейских стран, рассматривались скорее как экономические единицы, нежели как люди с собственным культурным наследием, благодаря чему они не представляли проблемы для принимающей страны. Однако со временем их присутствие начинало противоречить сложившейся коллективной самоидентификации

жителей страны. Во Франции президент Ширак сетовал на «запах и шум», которые производят иммигранты из неевропейских стран; в Германии многие считают, что «рожденный турком всегда турок» [Zarçioğlu, 2005, p. 35]; а в США все больше жалуются на «испанизацию» страны. Два столетия назад население Франции, Германии и США состояло преимущественно из христиан, однако сейчас их доля снижается, а само христианство, по крайней мере в обеих европейских странах, – в упадке.

Во времена Германской империи евреи не считались частью нации, хотя иудаизм был официально признан наряду с католичеством и лютеранством, а некоторые его институты пользовались официальной поддержкой. В Веймарской республике евреи обрели полное политическое равенство. Это убедило многих в том, что иудаизм – одна из германских религий, а евреи – одно из племен, составляющих германскую нацию, вроде баварцев или саксонцев. В период нацистского режима евреи стали уже не «немцами иудейского вероисповедания», но «евреями в Германии». Во Франции до Нантского эдикта только католики рассматривались как истинная часть нации, позже членство было распространено на протестантов и – хотя не без сопротивления и не вполне – на евреев (режим Виши составлял здесь исключение), а на протяжении последних нескольких десятилетий участились упоминания об «иудеохристианской цивилизации» Франции. Так говорят даже правые республиканцы, но, возможно, не в силу убеждения, а ради того, чтобы не признавать мусульман частью французской нации. И хотя сегодня членство в нации распространяется и на них, однако не всеми это принимается, поскольку мусульманский фундаментализм считается несовместимым с французскостью и *laïcité* (светскостью). Долгое время *laïcité* использовали как средство включения в нацию католиков, протестантов, евреев и др. – в силу их религиозной нейтральности. Однако никто не сомневается в принадлежности к французской нации фундаменталистов-католиков³. Более того, *laïcité* не вполне выполняется, ибо католицизм остается солью французской культуры – достаточно посмотреть на национальные праздники, обычаи и архитектуру.

В период Третьей республики публицисты-антисемиты (например, представитель правого крыла Эдуард Дрюмон и либерал Андре Зигфрид) говорили о «еврейской Франции», а при режиме Виши Морис Дюверже выражал сомнения относительно того, могут ли евреи быть частью французской нации, причем в эти периоды в стране было относительно немного евреев. Сегодня в стране распространен страх «исламизации», хотя мусульмане составляют около 10 % населения Франции. Тем не менее есть мусульмане, которые говорят о реванше за битву при Пуатье и хвастаются тем, что через поколение «Франция будет мусульманской страной».

В то же время лидеры Франции признают очевидную реальность. Президент Франсуа Миттеран отмечал: «Мы – французы, и наши предки – галлы и римляне, немного – германцы, немного – евреи, немного – итальянцы, немного испанцы, в большей мере – португальцы... и я задаю себе вопрос: может быть, мы еще и арабы?» [Solé, 1987]. Президент же Обама в своей инаугурационной речи утверждал: «Мы – нация христиан и мусульман, евреев и индусов, а также неверующих. Мы сформированы всеми языками и культурами, брали что-то из всех уголков земли» [Obama, 2009]. В Германии эти идеи еще не стали тенденцией, но Иоханнес Рау, федеральный президент в 1994–2004 гг., высказывал предположение, что население Германии состоит из многих этнических и расовых ветвей и что немецкость связана с ценностями, а не с расой [Raу, 1999].

Смешанный этнорасовый и религиозный состав современных западноевропейских и североамериканских обществ бросается в глаза: кожа типичного американца или француза,

³ Жан-Мари Ле Пен, лидер «Национального фронта», утверждая, что ислам несовместим с иудеохристианской религией, говорит, что он несовместим и с *laïcité* [Mestre and Monnot, 2009].

которого мы видим по телевизору, темнее, чем поколение назад. Внешний облик меньшинств заметен из-за их одежды, жестов и привычек. Культура меньшинств проявляется по-разному: в некоторых европейских странах синагоги – это огромные здания, в других они скромнее и скрыты за обычными стенами; во французских городах мусульманские службы могут проводиться в открытых помещениях или во внушительных мечетях, а иногда мусульмане могут занять целую городскую улицу для пятничных молитв.

В рассматриваемых странах национальная идентичность некогда тесно ассоциировалась с теми, кто обрабатывал землю и считался основой общества: в США – это фермер, идеализированный Джефферсоном, а позже – поселенец, получивший участок по закону о гомстедах; во Франции – это крестьяне, обуздавшие революционный террор; в Германии – это крестьянство (*Bauerntum*), воплощение бережливости, честности, трудолюбия и множества христианских добродетелей. Право почвы (*jus soli*)⁴ имело здесь ограничивающее значение: если истинное членство в нации определяется через связь с землей, то те, кто не владел землей во Франции или Германии, – подобно евреям, армянам, цыганам и потомкам иммигрантов, – не могли быть ее настоящими членами, сколько бы поколений их предков ни жили в этой стране. Сегодня же, в условиях масштабной урбанизации, когда в сельском хозяйстве занято не более 5 % населения, крестьянский романтизм играет во всех трех странах весьма скромную роль. Снижается значение и других институтов, через которые определялась национальная идентичность, – церкви, авторитета наставника и главы семьи.

Национальные различия между Францией и Германией сократились благодаря многим причинам: общей политике ЕС, сближению политических институтов и ценностей, сходному этническому, расовому и религиозному составу общества, присутствию диаспор, росту ислама, а также вследствие тех вызовов, которым подвергается их суверенитет из-за экономического давления и внешнего влияния, – т.е. благодаря всем тем факторам, которые способствуют возрождению споров о национальной идентичности. Те люди, которых затрагивают экономические трудности, ищут козлов отпущения, и ими оказываются не жадные капиталисты, а этнические или религиозные меньшинства. В 1950-х годах в США «виновниками» многих проблем становились коммунисты, однако сейчас их количество невелико. Многие французы и немцы винят в финансовом крахе 2008 г. евреев, а в перегрузке системы социального обеспечения – мусульман-иммигрантов.

Во Франции неопределенность в отношении того, что должна воплощать нация, усугубляется упадком христианства и массовых идеологий вроде марксизма и голлизма, а также современной неразберихой в понимании и оценке социализма. В отличие от Германии, во Франции европейская идея не стала адекватной заменой этим идеологиям. В США христианство, не говоря уже о протестантизме, больше не является существенным элементом американской идентичности; так же обстоит дело с принадлежностью к белой расе, единственным статусным символом для белых бедняков, особенно на Юге. Господство WASP подходит к концу.

Все три страны открыты для иммигрантов, все они более или менее свыклись с тем, что их национальная идентичность меняется под влиянием культурных течений, привносимых меньшинствами. Все страны привержены свободе слова и вероисповедания и принимают – в той или иной мере – этнический, культурный и религиозный плюрализм. Все они стремятся, по крайней мере официально, к политической, социальной, культурной и экономической интеграции иммигрантов с помощью разных политических средств, включая натурализацию, социальную защиту и законы о недискриминации. И в то же время во всех трех странах есть расовая дискриминация в вопросах жилья и работы.

⁴ Принцип приобретения гражданства, согласно которому ребенок становится гражданином государства, на территории которого он родился, независимо от гражданства своих родителей. – *Прим. перев.*

Когда иммигранты и другие меньшинства становятся частью нации? В отношении разных групп это происходит по-разному и зависит от истории, идеологии и политического контекста. В США включение в нацию происходило примерно в следующем порядке: сначала ирландские католики, затем итальянские католики, потом евреи, азиаты, латинос, черные и индейцы; во Франции – сначала протестанты, потом евреи, африканцы и мусульмане; в Германии – славяне (населявшие соседние территории, приобретенные в войнах), потом евреи, турки и афро-германцы. Самым быстрым этот процесс был в США, а самым долгим – в Германии, где лишь два десятилетия назад было принято право почвы (*jus soli*), процессом натурализации здесь ведают земли и их чиновники, и судьи нередко тормозят этот процесс. Во Франции свидетельством полноценности натурализовавшихся граждан выступает тот факт, что с 1981 г. им предоставлено право баллотироваться в президенты (в противоположность США, где кандидат должен быть гражданином от рождения). Вместе с тем словарь французского языка указывает на то, что «национальная идентичность» не относится ко всем в равной мере: во Франции говорят о «французах алжирского, армянского, израильского происхождения» или о «представителях второго поколения иммигрантов» и используют эвфемизмы типа «французы другого происхождения» (*«Français issus de la diversité»*).

Язык

Язык – один из элементов национальной идентичности; его значимость в качестве критерия членства в политическом сообществе росла по мере того, как значение расы и крови уменьшалось. Современный национализм и мобилизация в рамках нациестроительства, особенно в XIX в., опирались прежде всего на осознание обладания общим языком, и сегодня язык – основной элемент определения гражданской нации, несмотря на то что на языках Франции, Германии и США говорят и во многих других странах. Наиболее важную роль язык играл во Франции, по крайней мере с 1880-х годов, где он был объектом официальной политики. По уверению Фернана Броделя, Жюль Мишле и др., «Франция – это французский язык». Напротив, в США язык не был определяющим элементом американской идентичности, отчасти потому, что там не было обязательной федеральной языковой политики. В последнее время в американском обществе усиливается озабоченность растущей значимостью испанского в американской жизни; но она смягчается доминированием английского на национальном и глобальном уровнях. В Германии же роль немецкого языка неоднозначна. Несмотря на существование литературного немецкого как национального стандарта, преподаваемого в школах, сохраняется плюрализм региональных диалектов. После Второй мировой войны многие немцы учат английский, и он широко используется внутри страны. Более того, немецкий язык начиная с 1960-х годов быстро американизируется – отчасти приспосабливаясь к реальности, отчасти в порядке сверхкомпенсации националистической политики «очищения» языка периода гитлеровского режима [Klempereger, 2000]. В этом отношении Германия отличается от Франции, где сильно сопротивление тому, что воспринимается как угроза чистоте французского языка; эта реакция ведет к принятию опрометчивых мер, призванных ограничить проникновение английских слов.

Роль языка в качестве элемента национальной идентичности неоднозначна. Во-первых, люди, говорящие на одном языке, не обязательно являются членами одного политического сообщества: по-французски говорят в Бельгии и Швейцарии; многие выдающиеся писатели, писавшие по-немецки, не имели германской идентичности (например, Франц Кафка, Райнер Мария Рильке, Элиас Канетти и Поль Целан). Английский язык никогда не был обязательным условием американской национальной идентичности, и вопреки аргументам сторонников движения за «американский английский» владение языком никогда не было ни необходимым, ни достаточным элементом чувства принадлежности к американ-

ской нации. Более того, хорошее знание национального языка никогда не защищало черных, индейцев и азиатов в США, евреев и мусульман во Франции или евреев и турок в Германии от сомнений в их принадлежности к национальным сообществам.

Франция

В 1985 г. Луи Повель, редактор журнала «Фигаро», задал вопрос: «Останемся ли мы французами через 30 лет?» [Pauwels, 1985]. На момент, когда пишутся эти строки, Франция остается французской, но французскость изменилась. Сегодня идут нескончаемые споры о том, что значит быть французом. Тому есть ряд причин, наиболее важная из них – электоральные успехи крайне правых. Партии мейнстрима, чтобы быть успешными в конкуренции с правыми и бороться за их электорат, вынуждены брать на вооружение заявленную ими повестку дня [Williams, 2006]. Во время президентской кампании 2007 г. Николя Саркози, кандидат от неоголлистской партии «Союз за народное движение» (UMP), пытался перехватить часть электората «Национального фронта» (NF), включив в свою кампанию вопросы иммиграции, интеграции и национальной идентичности. Выступая в Безансоне в марте 2007 г., он сказал: «Франция – это каждый из нас со своей собственной историей, памятью, жизненным опытом, со своими мечтами... Вечная Франция – это не Франция, которая всегда одна и та же. Это Франция, которая не умирает, но меняется каждый день» [Sappin, 2010, p. 11]. Признанием успеха Саркози стало и то, что некоторые ксенофобские партии, такие как «Движение за Францию» Филиппа де Вилье и партия «охотников» (CPNT – Охота, рыболовство, природа и традиции), предпочли поддержать «Союз за народное движение». Тем не менее «Национальный фронт» по-прежнему стремится раздуть страх перед исламом, и для многих французам он остается борцом «за идентичность», побуждая Саркози контролировать споры на эту тему⁵.

Кроме того, эти споры должны стимулировать стремление меньшинств к культурной адаптации, освоению национального языка и приобщению к демократическим ценностям. Некоторые меры политической адаптации были институционализированы: например формальная церемония, отмечающая приобретение французского гражданства; другие практики поощряются: пение «Марсельезы» во время спортивных соревнований и, иногда, в общественных школах.

Споры о национальной идентичности во Франции не новы [см.: Club de l'Horloge, 1985; Espaces, 1985; Safran, 1991]. В последние тридцать лет они возобновляются снова и снова, особенно в связи с иммиграцией и натурализацией [Long, 1988]. Продолжающаяся ныне дискуссия была начата в ноябре 2009 г. при поддержке министра по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития солидарности Эрика Бессона. Был создан специальный сайт⁶, приглашающий граждан и политиков участвовать в национальной дискуссии, обмениваясь мнениями о том, что значит быть французами. Предполагалось, что дискуссия «позволит более высоко оценить вклад иммиграции в национальную идентичность» и повлечет действия, направленные на интеграцию [French Embassy, 2009]. Как утверждает Бернар-Анри Леви, главной проблемой оказалось именно то, что дебаты были инициированы не гражданским обществом, а государством, причем дебаты были связаны с вопросом об иммиграции – таким образом был дан повод предположить, что иммиграция угрожает национальной идентичности, а значит – нации [Lévy, 2010, p. 98]. Таково

⁵ Вопрос о том, в какой мере стремление Саркози сделать национальную идентичность предметом забот правительства мотивировано тем, что иностранное происхождение родителей может оказаться причиной для сомнений в его собственной французскости, остается спорным.

⁶ <http://www.debatidentitenationale.fr>

общее мнение левых и организации «SOS-расизм», которая борется за интеграцию, а также Представительного совета ассоциаций черных Франции (CRAN)⁷ – организации, представляющей черных. Все эти организации выступают против того, чтобы нормы национальной идентичности устанавливались государством; они полагают, что их должно развивать гражданское общество. К сожалению, предоставленное само себе гражданское общество легко увлекается в пучину ксенофобии, идя на поводу неразборчивых демагогов. То же самое имело место в Германии во времена Веймарской республики и в США в 1950-х годах.

В конце 2009 г. президент Николя Саркози отмечал: «Европейцы приветливы и толерантны; это в их природе и в их культуре. Но они не хотят, чтобы кто-то менял их стиль жизни и мышления, их общественные отношения. И чувство утраты идентичности может причинить глубокие страдания. Глобализация способствует обострению этого чувства» [Sarkozy, 2009]. Объясняя, почему он не осуждает результаты голосования по вопросу о минаретах в Швейцарии, Саркози сказал, что швейцарцы отвергли показную демонстрацию различий и отказались менять свой образ жизни под чужим влиянием. Главная проблема в том, совместим ли ислам с французской идентичностью. Определенные исламские практики явно нарушают французское гражданское право, например полигамия, которая была запрещена в 1993 г., но практикуется более чем в 15 тыс. семьях (полигамия запрещена и в США; те, кто прибегает к ней, могут оказаться вне закона, но остаются американцами). Но одно дело – призывать покончить с этими практиками, а другое – требовать, как это недавно сделал Государственный секретарь по делам семьи и солидарности, чтобы молодые мусульмане не говорили на «верлане», французской разновидности «поросычьей латыни» (French Pig Latin)⁸, и не переворачивали свои бейсболки задом наперед, чтобы показать, что они разделяют французскую идентичность [Morano demande aux jeunes musulmans, 2009]. Разумеется, они не обратили на это требование никакого внимания. Когда советника президента Анри Гэно спросили, адресовано ли пожелание президента Саркози мусульманам более избирательно использовать свои религиозные практики, например отказаться от призывов муэдзинов, а также и к католикам, которым не стоит тоже звонить в колокола, он ответил, что «это не религиозная проблема, а проблема цивилизации... проблема традиции» [Goldhamer, 2009].

Французская идентичность по-прежнему во многом связана с христианством. Хотя время, когда Франция была «старшей дочерью церкви», давно прошло, а французская республиканская догма носит светский характер и дехристианизация страны идет полным ходом, быть истинным французом – значит иметь родственников в провинции и быть, по крайней мере номинально, христианином. По словам видного политика, Франция не останется Францией, если минаретов станет больше, чем соборов [Clément, 2009]. Минаретов пока немного, напротив, есть 90 тыс. церквей, у многих из которых нет прихожан, и многие из этих церквей находятся в плохом состоянии (около 17 тыс. из них – под защитой государства как имеющие историческую или архитектурную ценность). Но коллективную идентичность страны определяет образ традиционной Франции.

Именно поэтому, несмотря на то что Франция уже давно стала страной иммигрантов и национальность в стране определяется по праву почвы, а натурализоваться относительно просто, многие интеллектуалы и политики все еще говорят об «иммигрантах во втором поколении», «французах алжирского происхождения» и «визуально заметных меньшинствах», что подразумевает наличие «истинных французов», ведущих родословную от «галльских

⁷ Представительный совет ассоциаций черных Франции был создан в 2005 г. при Национальном собрании 60 ассоциациями, представляющими интересы африканцев и антильцев, проживающих во Франции. – *Прим. перев.*

⁸ Верлан – пласт лексики в составе французского молодежного сленга, образованный за счет изменения порядка звуков и слогов в словах литературного языка. «Поросычья латынь» (Pig Latin) – игра, состоящая в изменении английских слов; отдельные слова, образованные таким способом, стали элементами сленга в американском английском. – *Прим. перев.*

предков». Традиционные ссылки на этих предков – не более чем мантра, ибо они – такой же миф, как герои комикса про Астерикса и Обеликса. Тем не менее традиционные различия между французами и «остальными» сохраняются. Несколько лет назад во время дискуссии о хиджабах Ширак пообещал, что иудеи и мусульмане получат по крайней мере по одному официальному празднику из своего религиозного календаря наряду с несколькими христианскими праздниками, но это обещание не было выполнено.

Дискомфорт, который вызывают мусульманские женщины в хиджабах или, реже, в парандже, объясняется именно традиционалистскими коннотациями французской идентичности. Национальная идентичность не статична, и ее критерии меняются. Каким образом можно выделить «настоящих» французов и французенок? Безусловно, не на основании религии, так как верующие католики составляют меньшинство. Конечно, не по кулинарным предпочтениям, поскольку кус-кус стал главным блюдом французской кухни. Несомненно, не из-за беглого французского, так как по-французски говорят и в нескольких других странах. Даже не в силу приверженности республиканским ценностям, так как монархисты и члены «Национального фронта», чьи идеологии не соответствуют этим ценностям, считаются истинными французами. То же относится к уроженцам Франции, принявшим ислам. Там и сям можно встретить упоминания о том, что лучшим тестом на национальную идентичность можно считать способность назвать победителей Гонкуровской премии, узнавать Зинедина Зидана и знакомство с комиксами про Астерикса. Остается еще критерий принадлежности к нации, сформулированный в 1882 г. Эрнстом Ренаном, – «общее согласие, желание жить вместе и стремление к сотрудничеству» [Renan, 1947, p. 903–904] – но он сегодня не вполне адекватен, ибо французом можно быть по-разному. Что, если обращенные в ислам, о которых шла речь выше, не принимают критерий Ренана?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.